

Arbitration.ru

Издание о международном арбитраже

Diversity in arbitration// Женщины и мужчины в арбитраже

Аналитика

- Коронавирус как форс-мажор
- Инициатива Pledge
- Арбитраж в Китае

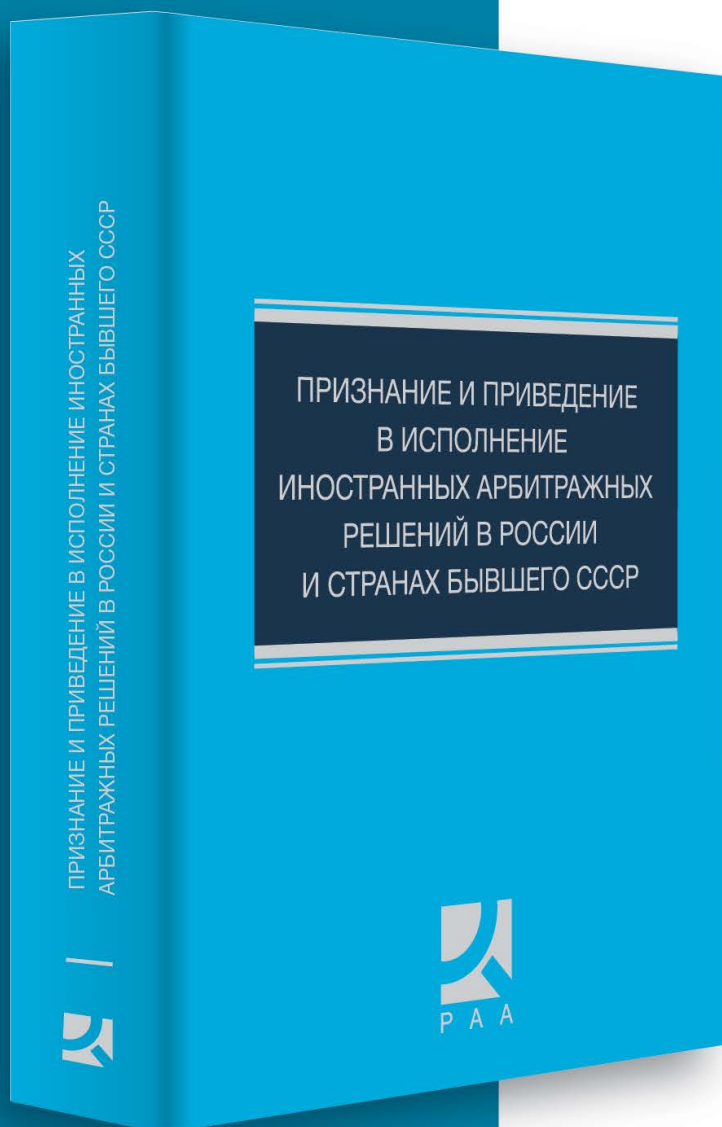
Новости

Гендерное разнообразие суда ICC

Конкурс по медиации ICC-2020

English Section

- Gender diversity in international tribunals
- Arbitral Women: Walk the Talk
- Assistance of Russian courts
- Russia: arbitration update

В 2018 году исполнилось 60 лет Нью-Йоркской конвенции о признании и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

Арбитражная Ассоциация выпустила книгу, посвященную вопросам признания и приведения в исполнение иностранных решений, оспаривания и исполнения внутренних арбитражных решений в России и странах бывшего СССР. В издание включен постатейный комментарий к Нью-Йоркской конвенции, Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961, АПК, ППК и Закону о международном коммерческом арбитраже. В книге также подробно освещены особенности правового регулирования в странах бывшего СССР.

Уникальной особенностью издания является подробный статистический анализ российских судебных актов об оспаривании, признании и приведении в исполнение арбитражных решений за последние 10 лет.

Твердый переплет, 1000 страниц, тираж 1000 экз.

The New York Convention celebrated its 60-year anniversary in 2018.

To celebrate this occasion, the RAA released a commentary to the New York Convention and related Russian and CIS laws.

The book will offer a detailed analysis of the Russian case law on the Convention for the past 10 years.

Hardcover, 1000 pages, 1000 copies, Russian language.

EDITORIAL BOARD

Dmitry Artyukhov

Arbitration.ru, Editor-in-chief, Moscow

Olena Perepelynska

Integrites, Partner, Kyiv

Ekaterina Grivnova

Paris baby arbitration, Founder, Paris

Galina Zukova

ZUKOVA Legal, Partner, Paris

Roman Zykov

Russian Arbitration Association,
Secretary General, Moscow

Steven Finizio

WilmerHale, Partner, London

Lilia Klochenko

RAA, Member of the Board, Vienna

Vladimir Khvalei

Arbitration Association,
Chairman of the Board, Moscow

Alexander Komarov

VAVT, Chair to international private law,
Professor, Moscow

Alexander Muranov

Muranov, Chernyakov and partners
attorneys-at-law,
Managing partner, Moscow

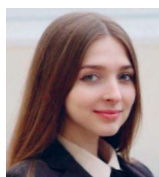
Elina Mereminskaya

Wagemann Abogados & Ingenieros,
Partner, Santiago

Alexandre Khrapoutski

Arbitration Association,
Vice Chairman of the Board,
Lex Torre, Partner, Minsk

Anastasia Konovalova

Arbitration.ru,
Editorial Assistant, Moscow

Журнал Arbitration.ru № 17, март 2020
Учредитель и издатель:
Арбитражная Ассоциация
Адрес учредителя и издателя:
115191, Москва, Россия,
Духовской переулок, 17, стр. 12, этаж 4
+7 (495) 201-29-59

На обложке: постер с freesvg.org.
On the cover: image by freesvg.org.

Главный редактор:
Дмитрий Артюхов
editor@arbitrations.ru
Ассистент редакции:
Анастасия Коновалова
Корректор:
Татьяна Левицкая
Возрастное ограничение 16+.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Издание является информационным. Опубликованные в издании законодательные акты, решения судов и другие юридические документы могут изменяться и должны быть запрошены через соответствующие институты и ведомства.

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

English section

OVERVIEW

- 7 **WALK THE TALK! THE ARBITRALWOMEN EXPERIENCE**
Mirèze Philippe, ArbitralWomen

ANALYTICS

- 11 **GENDER DIVERSITY IN THE COMPOSITION OF INTERNATIONAL ARBITRATION TRIBUNALS: A NEW BLIND SPOT?**
Caroline Kittelmann, Hanna Shalbanava, Clifford Chance Deutschland LLP Frankfurt
- 16 **PROMOTING GENDER DIVERSITY IN THE VIENNA INTERNATIONAL ARBITRAL CENTRE (VIAC)**
Alice Fremuth-Wolf, VIAC, Vienna
- 17 **ASSISTANCE OF RUSSIAN COURTS TO INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION**
Iliia Rachkov, Anna Shcherbakova, Nektorov Saveliev & Partners
- 21 **RUSSIA: UPDATE ON ARBITRATION LEGISLATION AND RULES IN 2019-2020**
Vladimir Khvalei, Irina Varyushina, Baker McKenzie, Moscow

REVIEW

- 28 **WOMEN IN ARBITRATION 2020 CONFERENCE IN LIMA, PERU**
Patrizia Sangalli, SDG & Partners, Milano

АНАЛИТИКА

- 30 **КОРОНАВИРУС КАК ФОРС-МАЖОР**
Роман Зыков, Mansors, Москва
- 38 **РАЗВИТИЕ АРБИТРАЖА И РЕФОРМА ТРЕТЕЙСКОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ**
Денис Микшиц, Арбитражный центр при РСПП, Москва
- 43 **ERA-PLEDGE: КАК ДОБИТЬСЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ?**
Елена Перепелинская, INTEGRITES, Киев, Евгения Рубинина, ENYO, Лондон

ОБЗОР

- 47 **СУД ИСС: ГЕНДЕРНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СУДЕЙСКОГО СОСТАВА**
Дарья Садовникова, юридический факультет НИУ ВШЭ
- 52 **СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС ПО КОММЕРЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ ИСС-2020**
Анастасия Коновалова, МГИМО

СТАТИСТИКА

- 54 **ГЕНДЕРНОЕ СООТНОШЕНИЕ АРБИТРОВ, НАЗНАЧЕННЫХ В АРБИТРАЖИ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В 2014-2018 ГОДАХ**
Дмитрий Артюхов, Arbitration.ru, Москва
- 57 **ИНФОРМАЦИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО ЦЕНТРА ПРИ РОССИЙСКОМ СОЮЗЕ ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (РСПП) ЗА 2010-2019 ГОДЫ**
- 59 **КАРАНТИН СУДОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ АРБИТРАЖА AD HOC В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ**
Андрей Костицын, Ad Hoc Arbitration, Москва

BOOK REVIEW

- 61 **FROM THE HISTORY OF ARBITRATION "REFORM" IN RUSSIA**

ОТ РЕДАКЦИИ

Дмитрий Артюхов
Arbitration.ru
Главный редактор

В контексте распространения коронавируса многие другие вопросы отступили на второй план. В том числе и тема гендерного разнообразия и равноправия, о которой мы неизменно вспоминаем в Международный женский день: этот праздник появился благодаря женщинам, которые боролись за возможность иметь равные права с мужчинами. Тема эта уже частично поднималась в нашем журнале и значима для сферы третейского разбирательства. Так, выступая по поводу избрания нового состава совета Суда Международной торговой палаты в 2018 году, ее председатель Алексис Мур отметил: «Достижение полного гендерного равенства в составе Суда ICC — значительная веха в истории международного арбитража». В список членов Суда ICC вошли 88 мужчин и 88 женщин. О чем это говорит?

Еще совсем недавно (с точки зрения истории) юриспруденция была чисто мужской профессией. Так, в V веке н. э. в «золотую пятерку» римских юристов, на которых разрешалось ссылаться при подготовке юридических заключений, входили только мужчины: Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин и Гай. Исключительное право мужчин практиковать юриспруденцию сохранялось вплоть до новейших времен: первой женщиной Европы, окончившей юридический факультет, в 1887 году стала выпускница Университета Цюриха Эмилия Кемпин-Спири. Со временем ей разрешили читать лекции о праве, но адвокатский статус Эмилии получить так и не удалось. В своем решении от того же 1887 года Верховный суд Швейцарии расценил предложение Спири распространить тогдашнее конституционное толкование понятия «гражданин» на лиц женского пола (работать юристами тогда могли только граждане, то есть мужчины) как «одновременно новое и дерзкое».

В России дела обстояли примерно так же. Вряд ли читатели смогут назвать женщин-юристов, практиковавших до революции, — разве что российские императрицы-самодержицы XVIII века послужат исключением. Но не стоит забывать, что при них (или, точнее, за ними) работали многочисленные правотворческие и исполнительные органы, а также властные группировки, состоявшие исключительно из мужчин.

Не претендуя на роль историка права, отмечу: активное участие женщин в юриспруденции, особенно российской, начинается с послевоенного периода, когда дефицит мужчин, выкошенных в Первую, Гражданскую и Вторую мировую, начинают компенсировать женщины. Я избегаю наречия «вынужденно»: вряд ли кто-то мог (или сейчас может) заставить женщину стать судебным секретарем, следователем или судьей — здесь нужны определенный склад характера и амбиции.

Так о чем же говорят приведенные Алексисом Муром цифры? Мне они говорят прежде всего о том, что современное общество, в отличие от прежних эпох, на практике признает свободную волю человека. Каковы бы ни были причины, по которым женщина хочет не просто получить юридическое образование, но и стать успешным юристом, а потом войти в органы ведущих международных арбитражных центров, — сегодня общество дает ей такую возможность. А это налагает большую ответственность. Готовы ли женщины ее нести? И зачем им такая ноша? Ответы читайте в материалах этого номера.

EDITOR'S LETTER

Dmitry Artyukhov

Arbitration.ru

Editor-in-chief

During the coronavirus pandemic, all other issues receded into the background. Among these is the topic of gender diversity and equality, which invariably arises on the International Women's Day: this holiday emerged thanks to women who fought for the opportunity to have equal rights with men. This topic has already been partially raised in our journal and is important for the arbitration community. Speaking about the election of new members of the Council of the Court of International Chamber of Commerce in 2018, its chairman Alexis Moore noted: "To have achieved full gender parity in the ICC Court is a major milestone in the history of international arbitration." The list of members of the ICC Court now includes 88 men and 88 women. What does this say?

More recently (historically), jurisprudence was a purely masculine profession. So, in the 5th century AD the "golden five" of Roman lawyers, which were allowed to refer to in the legal opinions, included only men: Papinian, Paul, Ulpian, Modestine and Guy. The exclusive right of men to practice jurisprudence was preserved until modern times: in 1887 Emilia Kempin-Spiri, a graduate of the University of Zurich, became the first woman in Europe to get a law degree. Eventually, she was allowed to lecture on law, but Emilia was not able to obtain a lawyer's status. In its decision of the same year 1887, the Swiss Supreme Court regarded Spiri's proposal to extend the then constitutional interpretation of the concept of "citizen" to females (at the time only citizens, that is, men, could work as lawyers) as "simultaneously new and impudent."

In Russia, things were about the same. It is unlikely that readers will be able to name women lawyers who practiced before the revolution, unless Russian 18th-century autocratic empresses are an exception. But do not forget that numerous law-making and executive bodies, as well as power groups consisting exclusively of men, worked behind them.

Without claiming to be a historian of law, I note: the active participation of women in jurisprudence, especially in Russia, begins in the post-war period, when women began to compensate for the shortage of men wiped out in the First, Civil and Second World War. I avoid the adverb "forcedly": hardly anyone could (or now can) force a woman to become a court secretary, an investigator or a judge. This requires certain traits of character and ambition.

So what do the figures quoted by Alexis Moore tell us? They tell us first of all that modern society, in contrast to previous eras, indeed recognizes a free will of an individual. Whatever the reasons are why a woman wants not only to get a law degree, but also to become a successful lawyer, and then become an executive of a leading international arbitration institution, today the society gives her this opportunity. And this imposes a great responsibility. Are women ready to carry it? And why do they need this burden? We try to find the answers in this issue.

WALK THE TALK!

THE ARBITRALWOMEN EXPERIENCE

Mirèze Philippe

*ArbitralWomen co-founder and Board member,
Special Counsel ICC International Court of Arbitration*

On the International Women’s Day of 8 March 2019 Google displayed an inspiring slider with 14 citations. One of them particularly resonated with the author and co-founder of ArbitralWomen and ties in the efforts undertaken by the co-founders. The citation by the Nigerian novelist Chimamanda Adichie said: “I matter. I matter equally. Not if only, not as long as. I matter. Full stop!”. Women matter just like men matter, white people and people of colour matter, young and old generations matter, disabled people matter, every human being matters!

In a world where women nearly equal the number of men and where women are active in all business and legal fields, many female practitioners noticed that they were significantly under-represented mainly in key positions in all fields. A few of us in the dispute resolution field were saddened to see that we were doing the same work as our male counterparts, but that we were kept back-stage. A woman acting as lead counsel, arbitrator, mediator or expert was unheard of thirty years ago. Holding a lead position on any board or speaking on a panel was reserved to men.

Take Action

Women in dispute resolution were a non-issue thirty years ago. No one in the business and the legal communities was concerned about their absence. As Lucy Greenwood puts it, practitioners had become comfortable with the notion that women are a significant minority (“Getting a better balance on international arbitration tribunals”, *Arbitration International*, vol.28, n°4, 2012, p.653).

Many women and sometimes also men have invested a lot of efforts in fighting against inequality. Amazing and inspiring women throughout the world undertook admirable initiatives and also strived for the rights of women in all fields, for example Ruth Bader Ginsburg, the second female justice at the U.S. Supreme Court. A few men have also denounced odd situations, such as Geoffrey Beresford Hartwell, a British engineer and arbitrator, who had the courage to ask Louise Barrington at the beginning of the 1990s to report about women participation in the arbitration field. The result was alarming. It was daring to break the silence about the dearth of women in dispute resolution!

Although change was and remains slow, things are better. It required that some people stand up and say ‘this is wrong, it must change’. Those who contributed to change the under-representation of women witnessed an evolution, one of which is the fact that gender equality now matters and can no longer be moot. Discussions about gender parity in the dispute resolution field gained increased popularity around the world. The trend is more successful than anyone could have anticipated, but we now need to see more concrete actions.

Situation leading to Foundation of ArbitralWomen

In 1993 when Louise Barrington attended the International Council of Commercial Arbitration (ICCA) in Bahrain, she was among the five or six women out of 250 participants. She was intrigued and wanted to know if other women in dispute resolution existed. She invited the few women she knew to a dinner and asked them to invite others whom they might know. To her amazement, we ended up being 60 women at a dinner held in Paris on 22 November 1993. That night was the beginning of a story that continues today on every continent of the globe.

A few years passed without many activities until I decided to build on that momentum and to create a Yahoo group enabling female practitioners to connect. Louise and I realised that female practitioners could benefit significantly from the creation of a network to enable them share ideas, celebrate their achievements, and work together to find ways to promote women in the field. As the group continued growing, Louise and I incorporated ArbitralWomen (AW) in 2005, to give it a more formal existence and increase its visibility. Since then, the group has grown to a thousand members from more than 40 countries. Most importantly, AW has created a space for women practicing in this field.

ArbitralWomen Achievements

ArbitralWomen has a pretty impressive record in its brief history. It has initiated a number of exciting, even groundbreaking, activities and is active more than ever to promote female practitioners in dispute resolution.

[News](#), [News about Members](#), [Newsletters](#): After having built its website in 2005 AW started promoting dispute resolution events whenever its members were speakers. Considering that members are spread around the world it realised that it is important to share reports about such events. It thus began publishing a newsletter in 2010. The significant increase

of events generated numerous reports and the various dispute resolution news reported were equally increasing. Interviews with [Women Leaders in Dispute Resolution](#) and reports about Women's initiatives in their workplace are published. Around 2014, AW added a new section in its newsletter to feature the promotion of members. The newsletter and the website became the primary communication and promotion tools, and an additional tool was used since 2016, the emailing of periodical alerts on upcoming events and alerts sharing news and promotions.

[Events](#): Events organised around the world remains crucial to spread the word about AW objectives and activities.

The International Women's Day (IWD) is celebrated each year during events organised by members around the world, and every three years a big celebration is organised, such as in 2013 in Dublin or in 2016 in Paris. Gala dinners after a one-day conference are organised at the occasion of AW's anniversary celebrations; in November 2018, AW celebrated the Jubilee of its 25th anniversary. AW also co-organises or supports numerous events, including Arbitration weeks organised in several countries. Over the years, breakfast panels at the annual IBA, ICCA, CI Arb and ICC conferences have become a tradition.

Part of AW mission also involves encouraging conference organisers to increase equality of representation on speaking panels and recommending women speakers.

One of AW signature events started in 2014 is the ArbitralWomen SpeedNet, an event inspired by speed-dating meant to bring together women practitioners in dispute resolution, of all ages and stages in their career in a comfortable and collegial setting. This format has inspired other organisations and courts to bring together lawyers with in-house counsel, or lawyers with judges. Another signature event is the ArbitralWomen Unconscious Bias seminars intended to help recognising our own prejudices and dealing with them.

[Diversity Toolkit™](#): After having learned from experiences built over the years, the testimonies received from many women who suffered or continue suffering discrimination in their workplace, the research undertaken about biases to understand where the problems lie, AW started organising seminars in 2015 to raise aware-

ness about unconscious bias. It has inspired its members from all countries to replicate these discussions locally in private groups and in conferences, including in universities. AW then developed a Diversity Toolkit™ thanks to a generous grant from the AAA-ICDR Foundation and launched it in 2018. The Toolkit offers a training designed to help men and women recognise the role played by prejudices engrained in us and to deal with them.

Mentorship: Over a hundred members from nearly 50 countries and all continents benefited from a Mentorship Programme in place since 2006, whereby younger members or experienced members who wish to benefit from the programme, are matched with more experienced members to act as their mentors. The feedback has been positive and is proving helpful.

Likewise, a parenting mentoring programme was launched in 2017 to assist members who could benefit from a mentoring with another woman who has recently gone through the same experience, as there are specific questions and concerns connected with working while pregnant, deciding on the right childcare, and then balancing work and life with a child.

Moot competitions: Competitions in dispute resolution became increasingly popular in the last two decades. However, attending these competitions can be expensive, particularly for teams from developing countries with no financial support. The Moot Programme started in 2009 funded over 50 teams. Provided half of the teams comprise women, AW offers financial support by covering their registration fee. In addition, many AW members serve as coaches for teams from schools in their vicinity. The moots are an extremely valuable experience for law students, as they have the opportunity to play a role it would otherwise take decades of practice to achieve.

Member Directory, Find Practitioners: Many entries are available to members to help them promote their experience and increase their visibility: first in their profile under Member Directory where they can also upload their publications and make their work available to professionals and researchers; second, members can contribute with articles on Kluwer Arbitration Blog also featured on AW website, news on AW news webpage, and reports in AW newsletters; third, AW website also provides a multi-search tool

under Find Practitioners to enable people find female practitioners following specific criteria.

YAWP: Young Arbitral Women Practitioners (YAWP) is the under-40 subgroup of AW. YAWP's mission is to help young women build their careers and fulfil their professional aspirations in the field of dispute resolution, thereby supporting them during the initial stages of their careers and through their transition to more senior roles. Launched in 2016, it has since then organised a number of events and undertaken a few projects, including the development of the Parenting Mentoring Programme and a series of inspirational interviews called "YAWP Inspire".

Pledge: As change was extremely slow, Sylvia Noury, partner at Freshfields Bruckhaus Deringer and AW member, initiated in 2015 the Equal Representation in Arbitration Pledge (Pledge) which has significantly contributed to accelerate nominations of female arbitrators. Over 4.000 people, firms and organisations signed the Pledge. We have seen some change as signatories started proposing women on the list of arbitrators considered for nomination. The Pledge is promoted in most of AW events. Some AW members are also members of the Pledge Steering Committee and a few of them of the Search Committee tasked with assisting professionals in finding female practitioners to be considered for appointments.

GQUAL: GQUAL started in 2015 a campaign for gender parity, crafted as a response to the critical under-representation of women within many organisations. GQUAL has become a leading platform advocating gender parity in international justice and discussing human rights. AW supports GQUAL and cooperates on a few occasions.

GPC: In 2017 AW partnered with the Global Pound Conference. Given the active role of both AW and the GPC in global dispute resolution initiatives, this partnership has represented a wonderful opportunity for GPC and AW to promote and support one another by running concurrent events in a number of countries.

UNCITRAL: AW was granted observer status in 2015 for all sessions of UNCITRAL Working Group II (Arbitration and Conciliation). AW is thus included in the list of non-governmental organisations eligible for invitation to the sessions. Members who attend sessions provide reports published on AW news webpage.

Women Pioneers in Dispute Resolution: AW published the Women Pioneers in Dispute Resolution book, an inspiring bouquet of stories celebrating women pioneers from around the world. Women featured have shared their experience and the challenges they had to overcome. The wide geographical coverage of these success stories demonstrates that irrespective of where in the world the featured women have been working, their challenges have been identical.

Champion for Change: In 2009, AW decided to honour men who were particularly supportive of our activities. AW acknowledges the support of our male colleagues by granting a Champion for Change Award to men who have furthered the goals of AW

or have been of real assistance to women in any manner in the field of dispute resolution.

Conclusion

To conclude, any initiative is hard to undertake. If initiators see things others cannot see, if they believe in the project initiated and know that their project is valuable, they should take it forward, while being prepared to be criticised and misunderstood. Walking the talk is what makes the difference; if it was so easy anybody could do it. Perseverance is the key to success. It is essential to continue the efforts.

THE 2020 MOSCOW DISPUTE RESOLUTION CONFERENCE

**The ABA's XII Annual Moscow Conference
on the Resolution of International Business Disputes**

Venue: Moscow, Hotel Radisson Collection (Ukraine Hotel),
Kutuzovskiy Prospekt, 2/1 building 1

16 SEPTEMBER
2020

GENDER DIVERSITY IN THE COMPOSITION OF INTERNATIONAL ARBITRATION TRIBUNALS: A NEW BLIND SPOT?

Clifford Chance
Deutschland LLP,
Frankfurt

Caroline Kittelmann
Senior Foreign Lawyer

Hanna Shalbanava
International Intern
in the Litigation
and Dispute
Resolution Team*

The underrepresentation of women in the composition of international arbitral tribunals is an ongoing issue. Underlying this underrepresentation are (i) the so-called “pipeline leak”, whereby women and men enter the legal profession in roughly equal numbers, yet the proportion of women reduces as careers progress,¹ and (ii) the resulting “pyramid problem”, i.e. the more senior the appointment, the worse the degree of underrepresentation.²

A number of initiatives have emerged in recent years to try to create a better gender balance in the composition of arbitration tribunals. The Equal Representation in Arbitration Pledge was launched in 2015, aiming to achieve gender parity in arbitral appointments made by parties, institutions and co-arbitrators.³ There are currently 4,031 signatories, including the International Chamber of Commerce (“ICC”). Individual institutions are also taking their own steps: in 2018, the ICC issued its ‘Note to National Committees and Groups of ICC on the Proposal of Arbitrators’, in which it seeks to increase gender diversity in institutional nominations, with the goal of parity.⁴ The International Center for the Settlement of Investment Disputes (“ICSID”) also places gender diversity high on its agenda.⁵

With the Canada-EU Free Trade Agreement (“CETA”) having entered into force provisionally on 21 September 2017, the foundations have been laid for a new arbitral forum to decide investment treaty claims. CETA provides for the creation

* *The views expressed are those of the authors held in a personal capacity.*

¹ *Lucy Greenwood has analysed various contributory factors such as office climate, difficulties in managing dual careers, lack of female role models and mentors, lack of flexible work options and attitudes to flexible working, the significant differential in earnings between spouses, discrepancies between the treatment of male and female associates and client behaviour, see Lucy Greenwood, Moving Beyond Diversity Toward Inclusion in International Arbitration, in Axel Calissendorff and Patrik Schöldstrom (eds), Stockholm Arbitration Yearbook 2019, Stockholm Arbitration Yearbook Series, Vol 1 (Kluwer Law International 2019), p. 97; see also Research Study 2019 “Current approaches to improving gender diversity at senior levels in law firms and correlated success”, available at: <https://blogs.thomsonreuters.com/legal-uk/wp-content/uploads/sites/14/2019/06/Current-approaches-to-improving-gender-diversity-at-senior-levels-in-law-firms-and-correlated-success.pdf>.*

² *For example, in the UK, up to 61% of trainee lawyers are female, but women account for only 36% of non-equity partners/22% of equity partners, see Research Study 2019, supra fn.1, p.4; see also for the UK, Solicitors Regulation Authority, How diverse are law firms?, available at: <https://www.sra.org.uk/sra/equality-diversity/key-findings/law-firms-2017/>; Judicial Diversity Statistics 2019, available at: <https://www.judiciary.uk/publications/judicial-diversity-statistics-2019-2/>.*

³ <http://www.arbitrationpledge.com/>.

⁴ <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2016/11/Note-to-National-Committees-and-Groups-of-the-ICC-on-the-Proposal-of-Arbitrators-ENGLISH-1.pdf>, p. 5, para 39.

⁵ *See for example <https://blogs.worldbank.org/voices/advancing-diversity-international-dispute-settlement>.*

of an Investment Court System (“ICS”), an EU initiative which is provided for also in the agreements the EU has negotiated with Mexico, Singapore and Vietnam, and which we can expect to see in all future EU free trade agreements.⁶ The ICS is to be staffed through roster lists of arbitrators nominated by the EU, by Canada and also jointly (for presiding arbitrators). This new dawn opens up a unique opportunity for the EU and Canada to take the lead in establishing a modern and forward-looking approach to gender and the composition of international arbitration benches. The first such list was published in December 2019.

In this short piece, we examine the statistics released by certain arbitral institutions (ICSID, the London Court of International Arbitration (the “LCIA”), the ICC, the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (the “SCC”), the Vienna International Arbitral Centre (“VIAC”) and the International Commercial Arbitration Court at the Ukrainian Chamber of Commerce and Industry (the “ICAC at the UCCII”) to the extent that these are available for 2017 and 2018 and set out some conclusions as to the gender trends therein (see “Snapshot of gender ratios...” below). Then, we examine the first list of arbitrators released by the CETA Joint Commission in December 2019, in order to assess the parallel progress made by the EU and Canada in this regard (see “Analysis of the first list of CETA arbitrators...” below).

Snapshot of gender ratios in appointments before

⁶ See for more detail the EU’s summary of its negotiations at <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> and Marc Bungenberg and August Reinisch *From Bilateral Arbitral Tribunals and Investment Courts to a Multilateral Investment Court*, 2nd ed (Springer 2018).

⁷ 2019 figures are available for ICSID (remaining static at 24%), VIAC (falling to 16.4%), and ICAC (falling to 36.5%). 2019 figures have not been analysed here.

⁸ Sources of statistics: ICSID 2017 Annual Report, p. 35, available at: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/resources/ICSID-Annual-Report.aspx>; ICSID 2018 Annual Report, p.32, available at: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/resources/ICSID-Annual-Report.aspx>; ICC Dispute Resolution Bulletin 2018, Issue 2, p.59; ICC Dispute Resolution 2018 Statistics, p.11; LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report, p. 15, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; 2018 Annual Casework Report, p.14, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; SCC Statistics 2017, available at: <https://sccinstitute.com/media/571682/statistics-2017.pdf>; SCC Statistics 2018, available at: <https://sccinstitute.com/statistics/>; VIAC Statistics 2017, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2017>; VIAC Statistics 2018, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2018>; ICAC at the UCCI Report 2017, p. 7, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>; ICAC at the UCCI Report 2018, p. 21, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>.

international and regional arbitration institutions

Below we set out a comparison of the proportion of women appointed to international arbitral benches in proceedings under the auspices of ICSID, the ICC, the LCIA, the SCC, VIAC and the ICAC at the UCCI in 2017 and 2018:

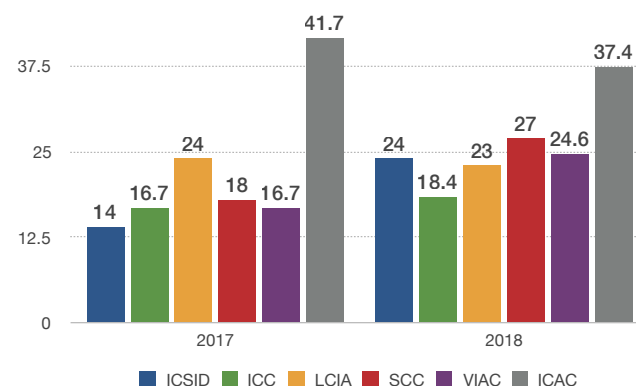

Chart 1: Percentage of female arbitrators appointed, overall (ICSID, ICC, LCIA, SCC, VIAC, ICAC at the UCCI), 2017-2018⁷

The figures show that there is a general slight upward trend,⁸ with the proportion of female appointments ranging between 14% and 42%. If an average is taken across the total figures for all of the institutions examined, 22% of appointees in 2017 were women, rising to 26% in 2018.

In the following, we break down this general upward trend into figures for female appointments by institutions (see (i) below), female appointments

by parties (see (ii) below), and female appointments by co-arbitrators (see (iii) below).

(i) Institutional appointments

The following chart breaks down the number of female appointments into the proportion made by the relevant institutions (corresponding data on the ICC is not available).

If an average is taken across the total figures for all of the institutions examined, 33% of institutional appointees in 2017 were women; and 36% in 2018, showing a slight upward trend.

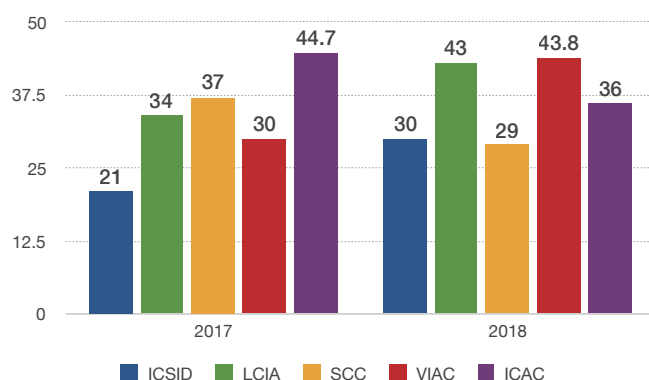
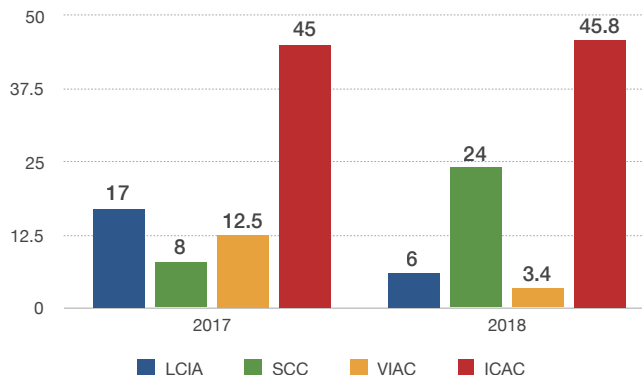

Chart 2: Percentage of female institutional appointments (of all institutional appointments)⁹

(ii) Party appointments

The following chart breaks down the available figures for female appointments by the par-

ties for the LCIA, the SCC, VIAC and the ICAC at the UCCI (corresponding information is not available for ICSID or the ICC):

Chart 3: Percentage of female party appointments (of all the nominations made by the parties)¹⁰

The available figures show near-parity at the ICAC at the UCCI, reductions for the LCIA and VIAC, and promising figures for the SCC, with a significant upward development.

However, if an average is taken across the total figures for all of the institutions examined, 21% of party appointees across these institutions in 2017 were women, yet only 20% in 2018.

(iii) Co-arbitrator appointments

The following chart shows the available figures on female appointments by co-arbitrators (corresponding information is not available for ICSID or the ICC):

⁹ ICSID 2017 Annual Report, p. 35, available at: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/resources/ICSID-Annual-Report.aspx>; ICSID 2018 Annual Report, p.32, available at: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/resources/ICSID-Annual-Report.aspx>; LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report, p. 15, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; 2018 Annual Casework Report, p.14, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; SCC Statistics 2017, available at: <https://sccinstitute.com/media/571682/statistics-2017.pdf>; SCC Statistics 2018, available at: <https://sccinstitute.com/statistics/>; VIAC Statistics 2017, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2017>; VIAC Statistics 2018, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2018>; ICAC Report 2017, p. 7, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>; ICAC Report 2018, p. 21, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>.

¹⁰ LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report, p. 15, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; 2018 Annual Casework Report, p.14, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; SCC Statistics 2017, available at: <https://sccinstitute.com/media/571682/statistics-2017.pdf>; SCC Statistics 2018, available at: <https://sccinstitute.com/statistics/>; VIAC Statistics 2017, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2017>; VIAC Statistics 2018, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2018>; ICAC at the UCCI Report 2017, p. 7, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>; ICAC at the UCCI Report 2018, p. 21, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>.

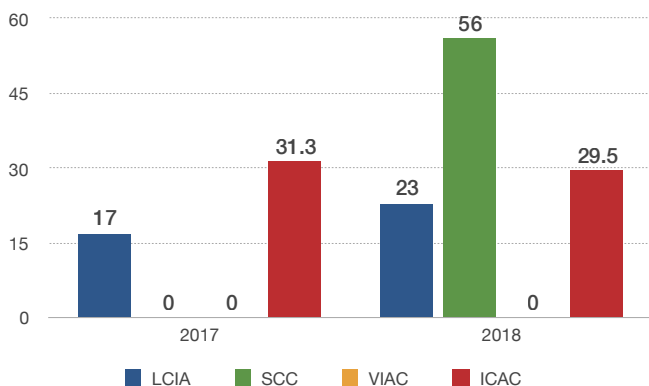

Chart 4: Percentage of co-arbitrator appointments that were female¹¹

Only three of the institutions with released data reported female appointments by co-arbitrators. If an average is taken across the total figures for the institutions examined, the number of female appointments by co-arbitrators rose from 12% in 2017 to 27% in 2018.

Trends

The published data, where available, shows a general slight upward trend:

- Institutions: 33% in 2017 to 36% in 2018
- Parties: 21% in 2017 to 20% in 2018
- Co-arbitrators: 12% in 2017 to 27% in 2018

It is to be hoped that this general upward trend will continue to be evident in the 2019 data, once fully released.

Analysis of the first list of CETA arbitrators of the CETA Joint Commission

CETA provides that the EU and Canada must, through their Joint Committee, prepare a list of individuals who are willing and able to serve as arbitrators.¹² The list is to consist of three sub-lists: one sub-list from the EU (five names), one sub-list from Canada (six names) and one joint sub-list of individuals who are not nationals of either the EU or Canada to act as chairpersons (five names). Accordingly, a total of 16 arbitrators is to be included on the list.

Surprisingly, considering Canada's public engagement with gender diversity,¹³ CETA does not contain any provisions on arbitrator diversity. The broader issue has however been acknowledged, with the EU and Canada affirming in the CETA Joint Committee 2018 Recommendation their commitment to "effective laws and policies promoting gender equality and maximizing the positive impact of increased women's participation in international trade".¹⁴ The issue has also been addressed specifically in the context of the ICS appellate mechanism: the draft rules for appointments to the ICS Appellate Tribunal state that it "shall be composed of six Members appointed by the CETA Joint Committee with a view to the principles of diversity and gender equality."¹⁵ Those members have, at the time of writing, not yet been appointed.

¹¹ LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report, p. 15, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; 2018 Annual Casework Report, p. 14, available at: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx>; SCC Statistics 2017, available at: <https://sccinstitute.com/media/571682/statistics-2017.pdf>; SCC Statistics 2018, available at: <https://sccinstitute.com/statistics/>; VIAC Statistics 2017, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2017>; VIAC Statistics 2018, available at: <https://www.viac.eu/en/service/statistics/2018>; ICAC at the UCCI Report 2017, p. 7, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>; ICAC at the UCCI Report 2018, p. 21, available at: <https://icac.org.ua/en/statystyka-ta-praktyka/zvity/>.

¹² CETA Article 29.8(1), see http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/february/tradoc_154329.pdf.

¹³ https://www.international.gc.ca/trade-commerce/gender_equality-egalite_genres/trade_gender_fta-ale-commerce_genre.aspx?lang=eng.

¹⁴ Recommendation 002/2018 of 26 September 2018 of the CETA Joint Committee on Trade and Gender, Preamble, para 7.

¹⁵ See Draft Decision for the Appellate Tribunal, Article 2(1), https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cel-lar:d4636933-ec0f-11e9-9c4e-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_2&format=PDF.

In December 2019, the CETA Joint Committee issued its draft list of 16 arbitrators.¹⁶ Canada's list has perfect gender parity with nominations of three men and three women, the EU's list nominates four men and one woman, and the joint list of chairpersons is entirely male:

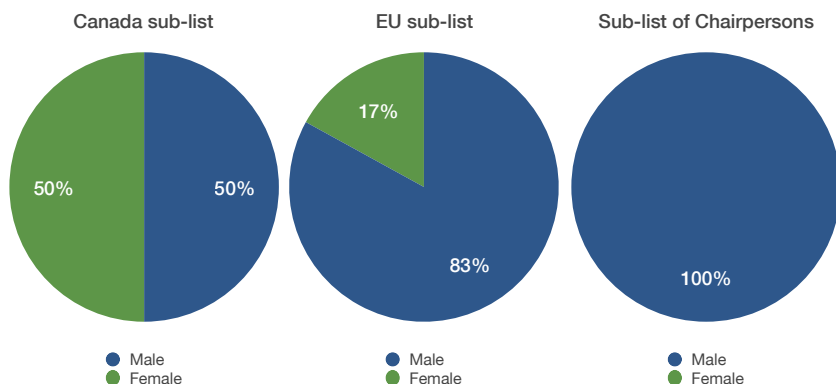

Chart 5: Gender of arbitrator nominations to CETA list

In addition to a disappointing proportion of female nominees of the EU, it is lamentable that not a single female nominee is contained in the joint list of chairpersons. Arbitrator Katherine Simpson has subsequently made amicus submissions in this context to both Canada and the EU, in which she listed 68 women with the experience required to be nominated.¹⁷ As such, it appears that a pool of suitable female candidates did in fact exist, but was overlooked.

Conclusion

The underlying reasons for the ongoing underrepresentation of women in the composition of international arbitration tribunals have already been extensively discussed elsewhere.¹⁸ In the context of CETA,

the Joint Parties (the EU and Canada) had a unique opportunity to promote gender diversity in the composition of the CETA arbitrator lists. Although Canada's nominations constitute a perfect model of gender parity, the EU list and the joint list of presiding arbitrators in particular are both disappointing. There is clearly still a long way to go.

Accordingly, efforts must continue. The conclusions to the 2018 International Arbitration Survey suggests that *inter alia* the following is needed to effectively promote diversity:¹⁹

- More commitment from all stakeholders involved in the arbitration process to expand and diversify the pools from which they shortlist and appoint arbitrators;
- Education and raising of awareness among the arbitration community about the need for, and advantages of, diversity.

These are valuable avenues, which are amplified by the conclusions of a research study by Acritas and Thomson Reuters, which concluded *inter alia*:

- Female lawyers need to get their fair share of matter experience and client exposure;
- Lawyers need training to know when they are behaving badly; and
- Initiatives that create silos such as women-only networks may in fact be damaging: including men in such networks can however result in them having a positive effect.²⁰

We must continue to highlight this situation in the hope that those with the power to make a difference will not only recognise these concerns and initiatives, but act on them too.

¹⁶ See <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b775fcc3-321b-11ea-ba6e-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-116957795>.

¹⁷ <https://www.simpsonadr.net/files/2020.01.26ListUpdates.pdf>. Katherine has also conducted broader research, demonstrating that the EU consistently appoints fewer women in its sub-lists of arbitrators, see <https://www.simpsonadr.net/files/2020.01.19CETALetterAnnexIIIUpdated.pdf>.

¹⁸ See for example Lucy Greenwood, *Moving Beyond Diversity Toward Inclusion in International Arbitration*, in Axel Calisendorff and Patrik Schöldstrom (eds), *Stockholm Arbitration Yearbook 2019, Stockholm Arbitration Yearbook Series, Vol 1* (Kluwer Law International 2019). For recent literature, see Andrea K. Bjorklund, *The Diversity Deficit in Investment Arbitration*, available at: <https://www.ejiltalk.org/the-diversity-deficit-in-investment-arbitration/>; Dipen Sabharwal, Mona Wright, *The Diversity Dilemma in Arbitrator Appointment*, available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/07/30/the-diversity-dilemma-in-arbitrator-appointments/>.

¹⁹ 2018 International Arbitration Survey: *The evolution of International Arbitration*, pp. 19-20, available at: [http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-\(2\).PDF](http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-(2).PDF).

²⁰ <https://blogs.thomsonreuters.com/legal-uk/2019/06/25/are-some-diversity-initiatives-actually-making-gender-diversity-worse/>.

PROMOTING GENDER DIVERSITY IN THE VIENNA INTERNATIONAL ARBITRAL CENTRE (VIAC)

Alice Fremuth-Wolf
Secretary General
of VIAC,
Member of the Pledge
Steering Committee

In 2019, VIAC opened 45 new domestic and international arbitration and mediation cases, which is slightly more than in 2017. Consequently, after a significant increase in 2018, resulting inter alia from the takeover of domestic arbitrations due to VIAC's new competence to administer all domestic cases formerly filed with the regional Economic Chambers, the number has remained steady.

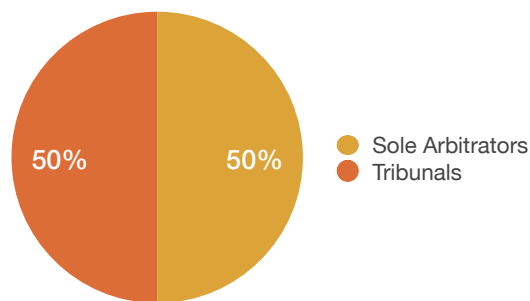
The statistics once more confirm VIAC's standing as an institution with a particular stronghold in Central and Eastern Europe, with one third of all parties stemming from the CEE/SEE/CIS region (about the same as in 2018 and 2017).

Promoting women in arbitration is still an important goal for VIAC. VIAC is also a Pledge signatory.

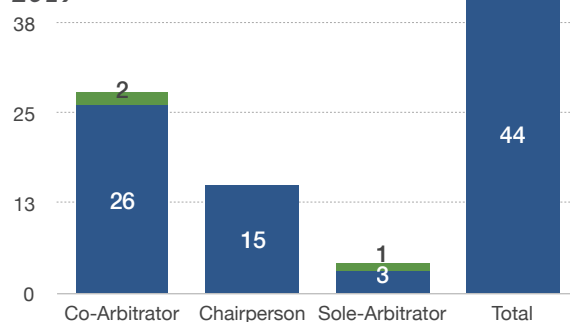
However, in 2019, sadly only a total of 16% of the arbitrators acting under our rules were female. This is due to the fact that in only 2 out of 28 cases the parties have nominated a female co-arbitrator and co-arbitrators have not appointed a female chair at all.

The VIAC board is constantly striving to create a certain balance and to support skilled female arbitrators. Accordingly, 40% of the arbitrators appointed by the board in 2019 were female. This, however, cannot rectify the overall low female numbers in the past year.

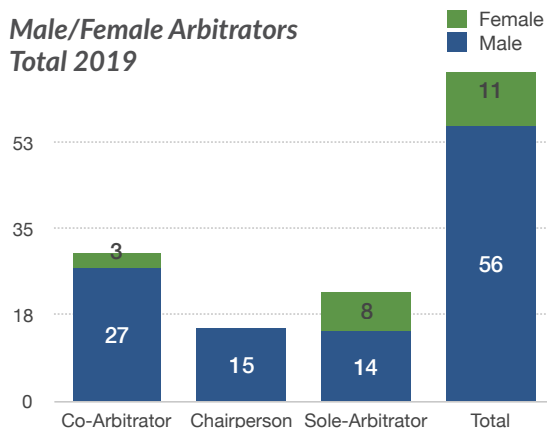
New Sole Arbitrators/Tribunals 2019

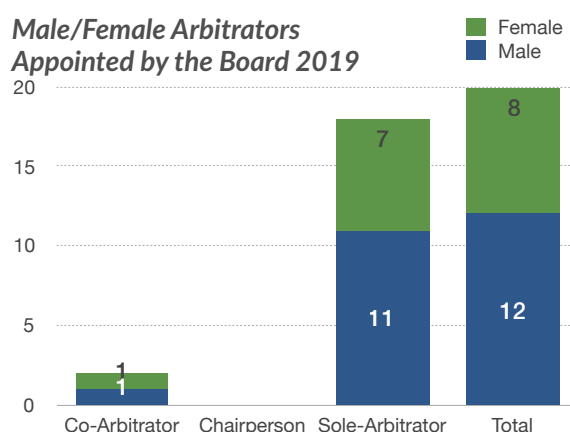
Male/Female Arbitrators Nominated by Parties/Co-Arbitrators 2019

Male/Female Arbitrators Total 2019

Male/Female Arbitrators Appointed by the Board 2019

ASSISTANCE OF RUSSIAN COURTS TO INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Ilia Rachkov
Nektorov Saveliev
& Partners

Anna Shcherbakova
Nektorov Saveliev
& Partners

Russian state courts consist of two arms: *arbitrazh* courts which are competent to solve commercial disputes, and courts of common jurisdiction which are competent to solve other disputes. Thus, disputes between companies and/or sole entrepreneurs typically land at *arbitrazh* courts. Procedural rules for *arbitrazh* courts are contained in the *Arbitrazh* Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – APC) and those for courts of common jurisdiction – in the Civil Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter - CPC).

From time to time, claimants which brought their lawsuits before international arbitration outside Russia may require assistance from Russian courts, for instance to impose interim measures on the respondent or third parties whose property is located in Russia, or to gather certain pieces of evidence.

In 2015, Russian procedural law has been reformed in order to enhance the role of Russian courts for the purposes of assistance to domestic and international commercial arbitration. Previous Russian law limited assistance of state courts to granting interim measures and recognizing and enforcing arbitral awards. The current law ascribes to the state courts the following functions in relation to arbitration:

1. Repeal and termination of an arbitrator's authority;

2. Granting interim measures;
3. Providing assistance in obtaining evidence;
4. Resolving challenges with respect to the tribunals' jurisdiction;
5. Recognizing and enforcing arbitral awards.

These changes were necessary to align Russian law with the UNCITRAL 1985 Model Law on International Commercial Arbitration (as reformed in 2006). Its Article 6 provides that a national legislator may establish that a state court or another appointing authority will have separate assistance and control functions in relation to arbitration.

This article addresses the assistance by way of granting interim measures and obtaining evidence.

Granting interim measures

As a general rule, interim measures are available at any stage of the arbitration proceedings and even prior to filing a lawsuit¹. There are no specific provisions in the law obliging a court to grant interim measures. The court shall assess whether the adoption of interim measures is reasonable and necessary on the basis of the judge's internal conviction, based on the study of all the circumstances of the dispute.

Russian state courts may grant interim measures in support of:

¹ Art. 90 (2) and Art. 99 APC.

- arbitrations seated both in Russia and abroad²;
- both domestic and international arbitrations³.

The law establishes a high standard of proof, obliging the claimant to demonstrate to the court that:

- a failure to grant such measures will result in (i) difficulty or impossibility to enforce the arbitral award (even if the enforcement of the award is expected outside the Russian Federation) and (ii) considerable loss for the claimant⁴. The claimant has to demonstrate to the court a real risk of dissipation of assets by the respondent (or other persons against who the interim measures are aimed). In *Telekom Povolzh'ye v. Bolaro Holding Ltd and SMARTS*⁵, the *arbitrazh* court held that the following circumstances prove that it would be impossible to enforce a foreign arbitral award in the future, if the court fails to order interim measures: the respondent confirmed its willingness to sell the shares, but did not keep its promise afterwards (the dispute was brought before London Court of International Arbitration, LCIA).
- requested interim measures are compatible with the claim submitted to the arbitral tribunal⁶, are reasonable and valid⁷. The claimant has to demonstrate the connection between the measure requested and the sub-

ject matter of the initial claim submitted to the arbitral tribunal, its proportionality, and how this measure will guarantee the execution of the arbitral award⁸. In *ING Bank N.V. v. OOO Grain Company "Nastyusha"*⁹, the claimant requested the court to impose interim measures in the form of seizure of wheat in the respondent company's grain elevators (wheat was pledged to the bank under a pledge contract as security for the payment obligations under the loan contract).

- granting the interim measures will ensure a balance between the interests of the parties to the dispute, and to prevent the infringement of public interests and the interests of third parties¹⁰.
- the dispute is arbitrable¹¹ and the arbitration agreement is valid;
- interim measures have not been taken by the foreign arbitration and are not performed on a voluntary basis (in case the dispute falls within the competence of the foreign arbitration)¹².

Because the above standard of proof is too high, the courts do not require the claimant to submit the full amount of evidence proving above facts¹³. It is mandatory for the claimant to provide evidence of the existence of the contested or violated right, as well as the fact of its violation. Despite this, Russian courts only grant interim measures in exceptional cases.

² Para 36 of Resolution No. 53 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On performing of assistance and control functions in relation to domestic arbitration and international commercial arbitration by the courts of the Russian Federation" dated 10 December 2019 (hereinafter — Plenum No. 53).

³ Para 51 of Resolution No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Consideration by Arbitrazh Courts of Economic Disputes Involving Cross-Border Relations" dated 27 June 2017 (hereinafter — Plenum No. 23).

⁴ Art. 90 (2) APC.

⁵ Ruling of the Arbitrazh court of the Samara region dated 12 January 2016, case No. A55-22/2016.

⁶ Art. 91 (2) APC, para. 36 of Plenum No. 53.

⁷ Para. 10 of Resolution No. 55 of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation "On granting interim measures by the courts" dated 12 October 2006 (hereinafter — Plenum No. 55).

⁸ *Ibid.*

⁹ Ruling of the Arbitrazh court of the Omsk region dated 11 November 2010, case No. A46-14042/2010.

¹⁰ Para. 10 of Plenum No. 55.

¹¹ Information letter No. 78 of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation "On the case law of granting interim measures by the arbitrazh courts" dated 12 October 2004.

¹² Para 29 of Information letter No. 158 of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation "Overview of arbitrazh courts practice concerning the cases involving foreign parties" dated 9 July 2013.

¹³ Para 10 of Plenum No. 55.

The most frequent reason why Russian courts refuse to grant interim measures is the lack of evidence to the effect that the enforcement of the award in the future would be impossible. Our law firm faced with such difficulties during several cases¹⁴ however due to the high standard of proof the courts refused to grant interim measures even if we submitted enough evidence.

In another case Russian court held¹⁵ that the claimant shall prove that the vessels were located within the territorial jurisdiction of that state court at the time when the claimant filed its application for an interim measure – prohibition for the owner from alienating and moving away the vessels. Another Russian court held that the decrease in the net profit of the respondent is not sufficient to prove the impossibility of execution of the arbitral award in the future¹⁶. Such conclusions are not precisely in line with the above provisions which govern the production of evidence.

Granting interim measures does not fall within the scope of application of Russia's international treaties on mutual legal aid. Thus, a Russian court will not grant a request of a foreign court to impose interim measures in support of a foreign arbitration¹⁷. That is why it does not make sense to refer in an application to such a treaty on legal aid.

In one of the recent cases, a Russian court rejected an application for interim measures from a foreign company which asked the court to prohibit the Russian tax service from registering any transactions with, restrictions on, or encumbrances of shares of the companies which belong to the respondent's group of companies, as well as from registering changes to the charter of the respondent's parent company¹⁸. The application was filed to secure a claim by a managing company (contractor) and its

director against the company (customer) and its controlling shareholder before the LCIA for damages equal to 25,000,000 USD. The claimant stated that the customer was an offshore company without any assets and the controlling shareholder was taking active steps to withdraw assets. The court rejected the application and stated that the claimant's arguments are based on assumptions and best guesses but are not supported by indisputable evidence.

However, under a similar application filed by the same parties to the court of common jurisdiction, that latter court prohibited any transactions, restrictions, encumbrances, transfer of rights in respect of eight companies of the respondent's group¹⁹. The legal regime governing the obtaining of interim measures from the courts of common jurisdiction is similar to the procedure before the *arbitrazh* courts, with one caveat: the claimant has not to prove loss which may be caused to him if the interim measure would not be taken. Thus, a similar application for interim measures submitted to the courts of common jurisdiction may require lower standard of proof and therefore may be satisfied with a greater prospect of success.

Providing assistance in obtaining evidence

This function in terms of its content is much more advanced. Russian courts grant assistance to the following arbitral tribunals:

- foreign permanent arbitration institutions (this type of assistance is not available for ad hoc arbitration²⁰); and
- any (both permanent and ad hoc) arbitral tribunals seated in the Russian Federation²¹.

¹⁴ *Ruling of the Arbitrazh court of the Amur region dated 6 December 2018, case No. A04-9864/2018, Ruling of the Arbitrazh court of the Moscow city dated 1 June 2017, case No. A40-91813/17-68-322.*

¹⁵ *Ruling of the Arbitrazh court of the Dagestan Republic dated 6 April 2012, case No. A15-533/2012.*

¹⁶ *Ruling of the Arbitrazh court of the Chelyabinsk region dated 7 May 2009, case No. A76-9095/2009.*

¹⁷ *Para 50 of Plenum No. 23.*

¹⁸ *Ruling of the Arbitrazh Court of the Moscow region dated 20 December 2019, case No. A41-108515/2019.*

¹⁹ *Judgement of the Primorsky district court of Saint-Petersburg dated 18 October 2019, case No. 2-11572/2019. As of the date of this article, the case was pending at the stage of hearing an application aimed at termination of the interim measures.*

²⁰ *Para 9 of Plenum No. 53.*

²¹ *Art. 74.1 (1) of APC.*

Assistance can be granted only with respect to documents, physical evidence and other documents and materials (i.e. evidence existing in written or any other form, including photographs, audio and video records)²². Therefore, a Russian court is not entitled to fulfill a request of a foreign arbitration or the claimant with respect to summoning witnesses, deposition of witnesses, on-site inspections or other types of evidence not indicated explicitly in the above list.

A request to provide assistance may be made either by the tribunal seated in Russia directly²³, or the tribunal can authorize an arbitrating party to deliver such a request to the relevant court²⁴. However, so far in Russian court practice the right of the arbitrating party to make a request has not been confirmed; since there is no such provision in the procedural law, a restrictive interpretation of this rule seems more likely.

The request shall be sent to the *arbitrazh* court of Russia's member state²⁵ or district court of the common jurisdiction of the Russian Federation²⁶ in whose territory the required evidence is located.

²² Art. 75, 76 and 89 of APC, para 37 of Plenum No. 53.

²³ Para 37 of Plenum No. 53.

²⁴ Art. 27 of the Law on International Commercial Arbitration.

²⁵ Art. 74.1 (1) of APC

²⁶ Art. 63.1 (1) of CPC

²⁷ Art. 74.1 (4) of APC, Art. 63.1 (4) of CPC

The execution of the request or the refusal of its execution shall be made by issuing a ruling of the court, which shall be forwarded, with all the materials collected, to the arbitral tribunal that sent the request, or transferred to the arbitrating party.

The grounds for refusal to provide assistance in obtaining evidence are: potential violation of the rights of third parties by the execution of the request; the underlying dispute is not arbitrable; the request allows providing access to the information constituting the State secret or an official, commercial, banking or other secret protected by law with respect to the persons who do not participate in the arbitration proceedings²⁷.

There are very few cases where Russian commercial courts have considered such applications.

Despite some criticism, we believe that the newly adopted Russian laws and the practice of their application by Russian courts make our home country more arbitration-friendly than before. We think that this is definitely a very positive move.

15/09
2020

VII Annual RAA Conference

To be discussed:

1. Future of International Arbitration

- ◆ Impact of sanctions on international arbitration
- ◆ Arbitration vs. state courts.
- ◆ Investment arbitration in light of the Achmea decision.
- ◆ Prague rules vs. IBA Rules on the taking of evidence.

2. Arbitration in Russia

- ◆ Arbitration Reform: Is there the light at the end of the tunnel?
- ◆ Russian case law on enforcement of foreign arbitral awards.
- ◆ Restrictions on the activities of foreign arbitration institutions.

3. AI in IA (Artificial Intelligence in International Arbitration – myth or reality):

- ◆ Predicting the outcome;
- ◆ Selection of arbitrators;
- ◆ Cybersecurity;
- ◆ Data Protection;

4. Members' meeting

- ◆ Reporting results for 2019;
- ◆ Election of the RAA Board;
- ◆ Members' Q&As

Venue:
Marriott Novy Arbat Hotel Moscow

RUSSIA: UPDATE ON ARBITRATION LEGISLATION AND RULES IN 2019-2020

Baker McKenzie,
Moscow

Vladimir Khvalei
Partner

Irina Varyushina
Professional support
lawyer

*From the 13th edition, and first online-only version, of Baker McKenzie's
International Arbitration Yearbook*

Legislation

International arbitration in Russia continues to be governed by Law on International Commercial Arbitration¹. Certain issues concerning international commercial arbitration such as requirements to arbitral institutions for administering disputes in Russia, resolving corporate disputes, are governed by the Law on Arbitration in Russia (“Law on Domestic Arbitration.”)²

In March 2019 certain important changes to the Law on Domestic Arbitration, which also apply to international commercial arbitration proceedings seated in Russia took effect.³ The changes clarified the rules⁴ for obtaining a license by arbitral institutions in order to administer arbitrations in Russia. Now foreign arbitral institutions do not need to establish a branch in Russian to get permission from the government. The branch is needed only if foreign institution intends to administer Russian domestic disputes or certain types of corporate disputes.

Also, the procedure for arbitration of certain types of corporate disputes were simplified. Russian law stipulates that arbitrable corporate disputes may be referred to arbitration under certain conditions that include (for different types of corporate disputes different set of conditions apply): (1) the dispute is administered by a licensed arbitral institution (PAI); (2) an arbitration agreement is entered into between all shareholders/participants, the legal entity itself and any relevant third party; (3) the proceedings are subject to special rules for resolving corporate disputes deposited with Russian authorities; (4) Russian seat.

Changes to Russian arbitration laws effective as of March 2019, arguably, removed conditions (2) and (3) from disputes out of shareholders’ agreements and condition (2) from disputes out of claims of legal entity’s participants for invalidation of transactions entered into by a legal entity and/or applying the consequences of their invalidity.

¹ Law N 5338-1 dd. 07.07.1993 (as amended on 29 December 2015).

² Federal Law No 382-FZ on Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation dd. 29 December 2015.

³ Federal Law No 531-FZ dd. 27 December 2018.

⁴ As regards a foreign arbitral institution, it is to provide the following documents in order to obtain the license: a) Note detailing the background and activities of the institution; b) Excerpt from the register or a similar document confirming the legal status of the institution or its founding organization; c) Rules for administering corporate disputes (if the organization wants to administer Russian corporate disputes that require special rules). If a foreign arbitral institution intends to administer Russian domestic disputes, it will need to establish presence in Russia for such purposes (a branch office of the institution or its founding organization).

On 10 December 2019 the Plenary Session of the Russian Supreme Court passed Resolution No. 53 “On the carrying out of functions by courts of the Russian Federation regarding the assistance and control over arbitration proceedings and international commercial arbitration” (Plenary Session Resolution”). The most interesting provisions of the Plenary Session Resolution include:

Clarification that the Kiev Agreement does not apply to arbitration courts

The problem arose because the Kiev Agreement originally applied to the enforcement of arbitral awards in certain CIS countries as those were not parties to the New York Convention at the time.⁵ The highest court instances in Russia issued several clarifications on the subject⁶ but the confusion remained.⁷ To avoid similar practice, the Plenary Session Resolution again explained to lower courts that the provisions of the Kiev Agreement and the Minsk Convention⁸ do not govern issues of the recognition and enforcement of foreign arbitral awards.

Clarifying that the place of arbitration is not the same as the location

of the arbitral institution or the hearing venue

Insofar as for a long time the only example of an arbitration court was the ICAC, judges gathered information on arbitral proceedings based on the functional traditions of the ICAC. These traditions included holding hearings at the location of the ICAC, thanks to which the place of arbitration, location of the arbitral institution and the venue of the hearings always coincided. Therefore, judges sometimes viewed holding a hearing in a place other than the place of arbitration or the location of an arbitral institution as a violation of the arbitration agreement.⁹ In the notorious “Singapore Arbitration Case” the courts found that the hearing of the Russia-Singapore Arbitration to resolve the dispute took place in Moscow, and the award of the Russia-Singapore Arbitration was actually signed in Moscow, and therefore the courts drew the conclusion that they should apply the procedure for enforcing arbitral awards seated in Russia, and not the procedure for enforcing foreign arbitral awards.¹⁰ Therefore, to avoid further misunderstandings in this matter, the Plenary Session Resolution states: “The place of arbitration does not have to be the same as the location of the arbitral institution under whose rules the arbitration proceedings are held, or the venue of the hearing in the case.”¹¹

⁵ The main objective of the agreement on the procedure for resolving disputes in connection with business activities that was signed on 20 March 1992 in Kiev (“Kiev Agreement”) was to fill the vacuum that arose after the breakup of the USSR in 1991. This led to the need to create a legal mechanism for determining the correct jurisdiction in disputes within the CIS, and for the enforcement of judgments handed down by state courts. Thus, the Kiev Agreement was mainly intended to regulate proceedings specifically in state courts, not arbitration courts. However, insofar as at that time the majority of CIS countries were not parties to the New York Convention (except for Russia, Belarus and Ukraine), the Kiev Agreement also applied to arbitral awards. But after most of the CIS countries joined the New York Convention, the existence of a double enforcement regime (under the Kiev Agreement and the New York Convention) began to create problems in practice.

⁶ Letter of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. OM-37 dated 01.03.1996; “Overview of court practice in cases involving the performance of the function of assistance and monitoring of arbitral tribunals and international commercial arbitration” (ratified by the Presidium of the Russian Supreme Court on 26.12.2018).

⁷ Resolution of the Arbitrazh Court of Moscow Circuit dated 18.11.2019 No. F05-19912/2018 in case N A40-90601/2019.

⁸ Convention on legal assistance and legal relationships in civil, family and criminal cases, dated 22.01.1993.

⁹ For example, in 2001 state courts refused to recognize and enforce an arbitral award of the Arbitration Institute at the Stockholm Chamber of Commerce, finding a violation of the arbitration procedure agreed by the parties, including the fact that arbitrators held the hearing in Stockholm, while the place of arbitration was Moscow.

¹⁰ See Resolution of the Arbitrazh Court of the Moscow District in Case No. A40-219464/16 dated 19 July 2017.

¹¹ Item 15 of the Plenary Session Resolution.

Clarifying the position of courts on alternative and asymmetrical arbitration clauses

In the Sony Ericsson case,¹² arbitrazh (state commercial) courts deemed invalid a dispute resolution clause, because it provided only one party with the ability to choose whether to apply to a state court or the ICC. However, it was unclear from the wording of the final court act¹³ in the case whether the entire clause was invalid, or only that part which granted additional procedural rights to one party in comparison to the other party. To avoid further doubts about this, the Plenary Session Resolution states: “A dispute resolution agreement that secures the right of only one party to choose (an asymmetrical agreement), is invalid to the extent that it deprives the other party of the right to choose between the same means of resolving a dispute. In this case, each party to an agreement has the right to use any means of dispute resolution among those stipulated in the alternative agreement concluded by the parties.”¹⁴

Non-conformity with arbitration procedure or legislation must be substantial

An important innovation of the Plenary Session Resolution is the fact that the Supreme Court indicated that not every violation of arbitration procedure or the law constitutes grounds for the setting aside of an arbitral award, or for a refusal to enforce it; only substantial ones, that is, “if the violation committed led to a substantial violation of the rights of one of the parties, causing an infringement of the right to a fair consideration

of the dispute.”¹⁵ Also, the party must have filed objections against such non-conformity without an unjustifiable delay, as stipulated in article 4 of the RF Law on International Commercial Arbitration.

This provision should help prevent the setting aside of awards on formal grounds when a violation of procedure in arbitration proceedings has taken place but such violation is not substantial.

The failure to challenge, with a state court, a decision of an arbitral tribunal on having jurisdiction, does not prevent the filing of an objection against jurisdiction in the course of setting aside of an arbitral award or at the stage of resolving the matter of its enforcement

In connection with the fact that legislation on arbitration has enabled to separately challenge a positive decision of an arbitral tribunal on having jurisdiction, and has set a deadline for such an appeal,¹⁶ a question has arisen: was the party that disagreed with such decision required to file an appeal with a state court, or could such party, following the issuance of an arbitral award on the merits, file an appeal for the setting aside of the award (or object to the enforcement of such award), citing the lack of jurisdiction?

Additional complications arose in connection with the fact that a party that applies to a state court with a motion to set aside a separate decision of an arbitral tribunal on having jurisdiction, in essence,

¹² See *Baker McKenzie International Arbitration Yearbook for 2012-2013*, *JurisNet*, pp. 370-373.

¹³ *Resolution of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation in case VAS-1831/12 dated 19 June 2012.*

¹⁴ *Item 24 of the Plenary Session Resolution*

¹⁵ *Item 49 of the Plenary Session Resolution.*

¹⁶ See article 16 of Law of the Russian Federation N 5338-1 dated 07.07.1993 “On international commercial arbitration”; article 16 of Federal Law N 382-FZ dated 29.12.2015 “On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation”; article 235 of the Arbitrazh Procedure Code of the RF. In accordance with the above provisions, in the wording in effect at the time of publication, this period is 1 month as from the date of receipt of the notice on the decision.

is deprived of the ability to challenge a decision of a court of first instance, in connection with an explicit provision¹⁷ of the Code of Arbitrazh Procedure and, therefore, was bound by the prejudicial effect of the decision of the court of first instance.

The Plenary Session Resolution explained that applying to a court for the challenge of a separate decision that the arbitral tribunal has jurisdiction is a right, not an obligation of the parties, and “a party that does not apply to a court to dismiss a separate ruling of an arbitral tribunal on having jurisdiction, is not deprived of the right to submit objections against the jurisdiction of an arbitral tribunal that it had put forward earlier during the arbitration proceedings as part of the proceedings to set aside the arbitral award or the proceedings to issue a writ of execution in respect of the arbitral award.”¹⁸

Institutions, Rules and Infrastructure

Since 1 November 2017 only arbitral institutions that have obtained the “license”¹⁹ from the Ministry of Justice can administer arbitrations seated in Russia. As of February 2020, there are the following licensed arbitral institutions: the ICAC²⁰ and the MAC²¹ at the Russian Chamber of Commerce and Industry, Arbitration Center at Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,²² Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration (RAC)²³ and National Centre of Sports Arbitration at Sports Arbitration

Chamber ANO.²⁴ As regards foreign arbitral institutions, Hong Kong International Arbitration Centre (HKIAC) and Vienna International Arbitration Centre (VIAC) have obtained the status of permanent arbitral institutions and can administer international arbitration proceedings seated in Russia.²⁵ With regard to the consequences of administering Russia-seated arbitrations by foreign arbitral institutions without the status of permanent arbitral institutions in Russia, there is an express provision in the law that for the purposes of the Russian arbitration laws the awards issued in such arbitrations are considered as awards issued in ad hoc arbitrations. However, the law also provides that persons that have not obtained the status described above, are forbidden from performing separate functions related to administering of arbitration (including appointment of arbitrators, deciding challenges, acceptance of arbitration costs and fees, etc) in ad hoc arbitrations. The law provides that in case of violation of this prohibition, the award is considered to be rendered with violation of the arbitral procedure. The latter rule creates a risk that if an “unlicensed” foreign arbitral institution administers arbitrations in Russia, the award will not be enforced or will be set aside by Russian courts.

At the beginning of 2020, the Russian arbitration community was hit with a corruption scandal related to RAC, where RAC was accused of a lack of independence due to its close links to the Russian government and state-controlled entities, such as Gazprombank and Rosatom.²⁶ While RAC made a general statement denying the allega-

¹⁷ See clause 5 of article 235 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation (in the wording in effect as from 1 September 2016).

¹⁸ Item 33 of the Plenary Session Resolution.

¹⁹ The laws provide for a “right to perform functions of a permanent arbitral institution.”

²⁰ International Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, <https://mkas.tpprf.ru/en/>.

²¹ Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, <https://mac.tpprf.ru/en/>.

²² <https://arbitration-rspp.ru/>.

²³ <https://centerarbitr.ru/en/main-page>.

²⁴ <https://olympic.ru/about-committee/official-documents/dokumenty-sportivnogo-arbitrazha/>.

²⁵ <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-tretyeskogo-razbiratelstva/perechen-inostrannyh-arbitrazhnyh-uchrezhdeniy>.

²⁶ https://zakon.ru/blog/2020/02/06/rossijskij_institut_sovremennogo_arbitrazha_i_rossijskij_arbitrazhnyj_centra_issledovanie_ih_rol_i_v_t.

tions,²⁷ nothing has been commented on by them on the merits of accusations.

Cases

Excessive Amount of Penalties Awarded by Arbitrators as Grounds for Setting Aside an Arbitral Award²⁸

Russian court set aside an ICAC award²⁹ *inter alia* because the amount of the penalties (USD 2.1 million) awarded by the arbitral tribunal was excessive. The dispute in arbitration arose out of the failure of Uzbekistan Airways, an award debtor, to pay for the jet fuel supplied by the award creditor, BB Energy (GULF) DMCC. The parties agreed on penalties of 0.05 per day for the first 15 calendar days of the delay and 0.4 per day for subsequent days of the delay. At that, as argued by the award creditor, the amount of the penalties was suggested by the award debtor. The courts³⁰ setting aside the ICAC award reasoned that the penalty rate was excessive and multiple times exceed the reasonable rate, including the refinancing rate of the Bank of Russia. The courts refused arguments that both parties were foreign legal entities and the practice of awarding penalties at their place of incorporation could differ from that in Russia.

The courts also disputed the assessment of evidence performed by the tribunal.

The above case demonstrates that Russian courts continue to review awards on the merits despite the explicit provisions of procedural codes to the contrary. Whereas the courts, in this case, could have

been influenced by the debtor's arguments of no losses on the creditor's part, there is a tendency to compare the penalties rate in the contract to the refinancing rate of the Bank of Russia. Thus, in February 2020 Arbitrazh Court of Moscow enforced a VIAC arbitral award noting that the amount of the penalties was below the refinancing rate of the Bank of Russia and thus could not violate the public policy of the Russian Federation and the rights and lawful interests of the debtor.³¹

Russian courts amend an arbitration clause based on a material change in circumstances accepting the arguments that the clause became unenforceable due to sanctions³²

Russian company's claims arose due to a US company's failure to pay for logistics services rendered by the claimant based on three orders, which the parties signed in December 2016, April 2017 and September 2017 under a General Services Agreement concluded in August 2012.

The General Services Agreement had an arbitration clause providing for ICC arbitration under English law. As regards applicable law, the Agreement stipulated that the claimant was to comply with applicable laws, rules, provisions or decrees in the country of any jurisdiction of performing part of the works insofar as those were compatible with US laws.

As on 26 January 2018, OFAC included the Russian company in the SDN List,³³ as a result, the respondent, as a US entity, was banned from interacting

²⁷ <https://www.facebook.com/214175818996672/posts/869853196762261/?d=n>.

²⁸ *Uzbekistan Airways v BB Energy (GULF) DMCC*, case file at: <http://kad.arbitr.ru/Card/eb263ec6-b232-4101-ac66-9dead6d09a8b>.

²⁹ ICAC award dd. 05.02.2019 in case № M-59/2018

³⁰ The award was set aside by the first level court and the ruling upheld by higher courts. See Ruling of Arbitrazh Court of Moscow dd. 8 May 2019, Resolution of Arbitrazh Court of Moscow Circuit dd. 24 July 2019 and Ruling of Supreme Court's Panel of 25 November 2019 refusing to review the case on the merits.

³¹ Ruling of Arbitrazh Court of Moscow dd. 12 February 2020 in case A40-317454/2019.

³² *Instar Logistics v. Nabors Drilling International Limited*, case file at: <http://kad.arbitr.ru/Card/bb686748-753b-4c9f-b6f6-cb2fae36008b>.

³³ OFAC's list of Specially Designated Nationals and Blocked Persons, <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/tdn-list/pages/default.aspx>.

with the claimant and failed to respond to the claimant's request to amend the dispute resolution clause so that disputes are to be resolved by the Arbitrazh (state commercial) Court of Moscow under Russian procedural rules. The claimant then filed its claims with Arbitrazh Court of Moscow requesting to (1) amend the dispute resolution and applicable law provisions and (2) resolve the dispute on the merits.

The Arbitrazh Court of Moscow the court granted the claims for amending DR and applicable law provisions.³⁴ The court based its decision on article 451 of the Russian Civil Code,³⁵ finding that the claimant was substantially deprived of what it had been entitled at the time of signing the contract as it failed to get payment under a substantial part of orders for services. The court further reasoned that the parties could not foresee the issuance of US President's Order No. 13661 at the time of concluding General Services Agreement, and both the Agreement and the orders would not have been entered into. The court found that the balance of parties' interests could be reinstated only by amending the contract as only in this case the claimant would be able to defend its rights breached by the respondent. The court of appeal upheld³⁶ the judgment and ruled that the arbitration clause was unenforceable because of US imposing sanctions on the claimant and respondent's refusal as a US entity in compliance with US sanctions to discharge its obligations undertaken under the orders (including its failure to respond to claimant's letters of claim). The court added that due to the US sanctions, the ICC award would not be enforceable anywhere except Russia due to the blocking of banking transactions in favor of claimant that go through correspondent accounts of banks under the control of the US Federal Reserve System.

The above case is important in that it clarifies that Russian courts about similar claims by or against sanctioned entities will tend to find they have jurisdic-

tion and resolve disputes on the merits. The position is in line with a draft law³⁷ submitted to the Russian parliament, which introduces measures to protect the rights of sanctioned companies and individuals. This measure provides for the exclusive jurisdiction of Russian courts over claims against such persons as well as a possibility of such persons filing claims with Russian courts for termination of foreign proceedings initiated against such entities.

Partial LMAA arbitral awards enforced by Russian courts³⁸

The applicant sought recognition and enforcement of a third partial final award issued in LMAA arbitration proceedings whereby the tribunal resolved certain issues, including that the owners had a right and lawfully seized the vessel from the charterers and were entitled to terminate the Charter party; that the charterers shall return or take all measures to enable the return of the vessel and shall bear all requisite costs, including costs relating to the award. The debtor argued, *inter alia*, that the partial award was provisional and had not become final and binding for the parties.

However, the applicant submitted an expert opinion on clarifying the nature of partial final awards. According to the expert the English seated tribunal was entitled to issue partial final awards that relate to various issues resolved in the course of the arbitration and that such awards are final and binding and do not differ from ordinary arbitral awards. The expert expressly stated that none of the partial final awards could be qualified as provisional (that is, a separate award on a certain issue that may be changed in the final award) as the LMAA rules do not provide for the issuance of such decisions.

The trial court granted the enforcement and the courts of higher levels agreed with the find-

³⁴ See *Judgment of Arbitrazh Court of Moscow dd. 14 November 2019 in case A40-149566/2019*.

³⁵ Article 451. Amending and nullifying the contract due to material change in circumstances.

³⁶ *Resolution of the Ninth Court of Appeal dd. 10 February 2020 in case A40-149566/2019*.

³⁷ See *Draft law № 754380-7 "On amending legislative acts of the Russian Federation to protect the rights of certain categories of individuals and legal entities due to unfriendly actions of the US and other foreign states."* The draft law was approved in the first reading in May 2019, details at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/754380-7>.

³⁸ *Silverburn Shipping (IoM) Ltd v. Arc Shipping Company LLC*, case file at: <http://kad.arbitr.ru/Card/c3c61e87-2b43-48a0-8434-577a365c1457>.

ings of the first level court.³⁹ The courts refused to accept arguments that arbitration proceedings regarding the vessel in dispute and arising out of the charter party have not finished and no final award was issued.

Russian courts refuse enforcement of a foreign arbitral award as the applicant fails to substantiate the existence of the debt⁴⁰

A creditor filed a claim based on an arbitral award issued by the so-called Helsinki International Arbitration Court in the bankruptcy proceedings of the debtor. Lower courts refused to include the claims into the register of creditors, and the cassation court agreed. At that, the courts noted that the creditor filed its claim to arbitration on 15 February 2018, that is, after the initiation of bankruptcy proceedings by a Russian court (12 April 2017) and as at the time the hearing took place and the award was issued (19 September 2018 and 21 September 2018 respectively) the debtor was in supervision proceedings. Therefore the courts were to ensure that the rights of creditors are not breached by the award because the protection of the rights of third parties, according to courts, is an element of public policy of a state.

The court agreed that where a claim is filed against the debtor before the supervision proceedings, the claimant is entitled to continue in the arbitration or file claims within the bankruptcy case. At the same time, no writ of execution is issued in such cases, and where enforcement of the award is sought, the courts are to ensure that the legalization of the award outside bankruptcy case does not lead to granting the claims of one creditor to the detriment of the other creditors. As in establishing creditor's rights in the bankruptcy case, the court recognizes only claims where sufficient evidence was presented, in the enforcement case the applicant has to provide documents substantiating its claims. As the applicant failed to submit other documents [except for the award] the courts reasoned that the claims were unfounded and that there had been no debt toward the claimant, Listaks Corporation, Belize.

The courts added that, in order to prove that the award was illegitimate, the creditor or a bankruptcy manager is only to provide the court with *prima facie* evidence confirming substantial doubts that the debt existed because otherwise, they would have to carry a burden of proving negative facts, which is not acceptable from the viewpoint of maintaining the balance of procedural rights and guarantees. At that, a party to the arbitration is to submit evidence confirming the fact of conducting the arbitration and the validity of the award.

³⁹ Resolution of the Arbitrazh Court of Moscow Circuit dd. 16 October 2019; Ruling of the Supreme Court Panel dd. 13 January 2020 refusing to review the case on the merits.

⁴⁰ Listaks Corporation, Belize v. MDM Leasing, case file at: <http://kad.arbitr.ru/Card/ee84da31-2e90-4538-8bc1-de36d-d2e9375>.

WOMEN IN ARBITRATION 2020 CONFERENCE IN LIMA, PERU

Patrizia Sangalli
FCI Arb, Partner,
SDG & Partners,
Milano

I was asked to write about the Women in Arbitration conference organized in Peru, Lima on January 30-31, 2020. I was really honored to participate to the same conference with 350 excellent professionals, including 75 speakers from different Countries from Europe, the US, Central America, and Latin America who attended this event.

This was the second annual seminar hosted by the Instituto Peruano de Arbitraje (IPA), with Carlos Soto as a great promoter of the event. Carlos Soto is the Founding Partner at Carlos Soto & Asociados, Firm of Professional Arbitrators in Perú and Spain, and the former Chairman of the Peruvian Arbitration Institute – IPA. He is also active as an arbitrator and Professor of Civil Law and Arbitration.

The Instituto Peruano de Arbitraje (IPA) is a non-profit civil association organized to promote and expand domestic and international arbitration in Peru through academic activities, international conferences, seminar, working breakfasts, publications, newsletters, etc.

Furthermore, the Instituto Peruano de Arbitraje (IPA) is the leading institution in the region for its connoted efforts to promote and disseminate the practice of arbitration as an efficient and effective mechanism for the settlement of disputes in Peru and Latin America. The IPA's presence in the academic and professional spheres is permanent through the various quality events it organizes and its important publications on arbitration matters.

The objective of the conference is to bring together women dedicated to arbitration to discuss

the current situation of women in the arbitration world and their vision for the future.

The purpose is to have women from diverse backgrounds and legal cultures active in international dispute resolution in any role, including, arbitrator, mediator, expert, adjudicator, surveyor, facilitator, lawyer, or forensic consultant.

The conference started with an introduction made especially on the relevance of gender diversity, but also to have important and interesting arbitration topics. In Peru the women presence in arbitration has increased from 5% up to 18%, and there are movements pro diversity. The Minister of Justice is a woman, the President of the Constitutional Court is a woman, and there is a “Junta Nacional de Justicia” (the National Committee of Justice), which is constituted by three women in order to contribute to the reform of justice. This feminine presence is especially contributing to Arbitration for being used as an instrument to solve controversies.

One of the important tips given to women, and especially to young people has been to become “visible” and to participate to arbitration events, conferences and courses. In fact, usually men are braver than women. Therefore, a good approach could be to participate and to be part of events, conferences as speakers, and/or publications and courses.

An important issue mentioned during the conference is the Pledge, in recognition of the under-representation of women on international arbitral tribunals. In 2015 members of the arbitration community drew up a pledge to take action to increase, on an equal opportunity basis, the number of women appointed as arbitrators in order to achieve a fair representation. For this reason, it is important also to start having women in Boards and Committees.

Institutional appointments account for only a fraction of all arbitrator appointments. There is a disconnection between the rate at which institutions appoint women and the willingness of the parties to do so. When asked by a client to select an arbitrator, the desirability of promoting diversity is the last

feature on anyone's mind. It would be very important to pick the best person for the job. Therefore, there is a need to attract the attention and the collaboration of arbitration professionals of every type, of professionals drawn from the whole spectrum of geographical, ethnic and gender backgrounds.

In the US there are some interesting initiatives which were mentioned during the conference in order to have at least 30% gender diversity and in order to grant a better position, not just for women, and not only in arbitration. Another brilliant initiative is to have several companies that in the next five years could register any change in gender diversity.

The problem, in fact, it is not only women diversity, but gender diversity. In arbitration, the neutrality and the independence can be granted, *de facto*, by gender diversity, women diversity, and young diversity, also to cross over the lack of impartiality.

There was also a panel discussing about confidentiality and transparency in arbitration, and the publication of Awards. The publication of the Awards could be a possibility to have an idea on the Tribunal, but it is not the only way we have to have more transparency. Having a request about more transparency, and about confidentiality, which are the essentials in arbitration, the panel discussed about the coexistence of these two elements, which have to be preserved in arbitration. Very innovative and interesting was the initiative of the "Centro de Arbitraje" of Lima, which indicated the digitalization of the arbitration proceedings with a digital platform. The discussion involved incorporation of new technologies, how they can affect the legal principles, hearings and the adversarial principle. Evidence (including Whatsapp messages, e-mail, etc.) is also an important issue: arbitrators could value what evidence could be considered as valid or not, if it was manipulated, if it has to be notarized, or perused by an expert.

Women Way in Arbitration (WWA) was also presented during the conference. WWA's mission is to foster the equitable role of women in the field of arbitration and conflict resolution. It seeks to improve the practice of arbitration and conflict resolution by offering tools to broaden the involvement of women in all aspects of such process – as counsel, arbitrators, mediators, experts, academics,

etc. The "founding mothers" of WWA include Verónica Sandler, Professor of Law at several Argentine universities and noted arbitration and commercial practitioner, Sandra González Vila, partner at Ferrere Abogados (Uruguay) and María Inés Corrá, international arbitration partner at Bomchil (Argentina).

WWA offers a communication space to promote the leadership of Latin American women in conflict resolution, and has been launched in several Latin-American countries. WWA has already organized academic activities in several Latin American venues, and has entered into an agreement with the Peruvian Arbitration Institute (IPA) to work jointly in promoting WWA's goals. WWA expects shortly to enter into similar agreements with other well-known arbitral organizations throughout Latin America. Women and men interested in WWA's mission who would wish to be part of the project are welcome to join and to lend a hand in any of its several very active sub-committees (more about WWA, and how to join, can be learned at the organization's website www.wwa.com).

Further to the conference, there were also special social events organized to discover Peruvian specialties, typical food, beverages, and music. In Lima the hospitality was perfect, thanks to the organizers, sponsors, and warm welcome.

And for the next year, the conference will be held in Cuzco, a city in southeastern Peru, near the Urubamba Valley of the Andes mountain range. It is the capital of the Cuzco Region and of the Cuzco Province. The city is the seventh most populous in Peru, with a population of around 428,000. It is located on the eastern end of the Knot of Cuzco, its elevation is around 3,400 m. The city was the historic capital of the Inca Empire. Cuzco was declared a World Heritage Site by UNESCO with the title "City of Cuzco". It has become a major tourist destination, hosting nearly 2 million visitors a year.

The conference will still be focused on women in arbitration, but including also men as speakers, which is very important to confirm the complementarity with the other professionals participating.

This event is becoming a must every year in LATAM region for international practitioners which believe in cooperation, diversity and professionalism. It is really worth joining!

КОРОНАВИРУС КАК ФОРС-МАЖОР

Роман Зыков
партнер Mansors, генеральный секретарь РАА

Что такое коронавирус?

Коронавирусы представляют собой группу вирусов, которые вызывают воспалительное заболевание органов дыхания у человека в виде гриппоподобных или более тяжелых заболеваний, таких как SARS (Severe Acute Respiratory Syndrome) — атипичная пневмония, первый случай заболевания которой был зарегистрирован в ноябре 2002 года в китайской провинции Гуандун; MERS (Middle East Respiratory Syndrome), который впервые был зафиксирован в Саудовской Аравии в 2012 году; и наконец, COVID-19 (Corona Virus Disease 2019), возникший в китайской провинции Ухань в конце 2019 года.

SARS

С ноября 2002 года вирус SARS в течение двух месяцев добрался из континентального Китая до Гонконга и Вьетнама, а далее продолжил распространяться вплоть до июня 2003 года, когда был зафиксирован последний случай заражения. Случаи заражения вирусом также отмечались в Торонто (Канада), Тайване и Сингапуре. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), всего было выявлено 8437 случаев заболевания, из которых 813 закончились летальным исходом (около 9% пациентов с подтвержденным диагнозом SARS). При этом у инфицированных старше 50 лет смертность достигала 50%.

После того как эпидемия SARS сошла на нет в июле 2003 года, заболевшие были выявлены еще четыре раза — в результате ошибок в лабораторных экспериментах в Сингапуре и Тайване и единожды естественным путем в южном Китае. По оценке ВОЗ, даже в пиковые периоды 2003 года риск передачи вируса между людьми был достаточно низким. Помимо этого, активная фаза заболевания была достаточно краткой, и распространение вируса скоро прекратилось.

MERS

Вспышка этого вируса была зафиксирована в Саудовской Аравии осенью 2012 года и постепенно распространилась на 23 страны, в том числе Йемен, Объединенные Арабские Эмираты, Францию, Германию, Италию, Грецию, Тунис, Египет, Малайзию, Таиланд и др. По состоянию на 31 мая 2015 года было выявлено 1154 случая заболевания и по меньшей мере 431 случай с летальным исходом (смертность 37%). Ко времени окончания активной фазы заражения на Ближнем Востоке, 20 мая 2015 года, произошла новая вспышка заболевания — теперь уже в Южной Корее. Источником стал кореец, который вернулся из поездки в страны Ближнего Востока. 20 июля 2015 года правительство Южной Кореи сообщило об окончании эпидемии. По официальным данным, за два месяца было инфицировано 182 человека, 33 из них умерли (смертность 18%).

Случаи заболевания MERS-CoV периодически отмечаются, последние три были зафиксированы в Катаре в декабре 2019 года. По оценкам ВОЗ, вирус имел высокую степень опасности и смертности.

Как и в случае с вирусом SARS, здесь ситуация была взята под контроль в достаточно короткие сроки, и глобальной эпидемии не возникло.

COVID-19

31 декабря 2019 года Китай проинформировал Всемирную организацию здравоохранения о вспышке в провинции Ухань нового типа коронавируса, который быстро распространялся и имел более высокий процент летальных исходов, чем уже известные коронавирусы.

Вскоре вирус вышел за пределы континентального Китая и к началу марта 2020 года появился на всех континентах, кроме Антарктиды. Всего в мире зарегистрировано более 95 000 случаев заражения COVID-19, из них около 3200 летальных (смертность 3,3%).

ВОЗ присвоила вирусу высокий статус глобальной опасности (very high) и отмечает ежедневный рост заболеваемости.

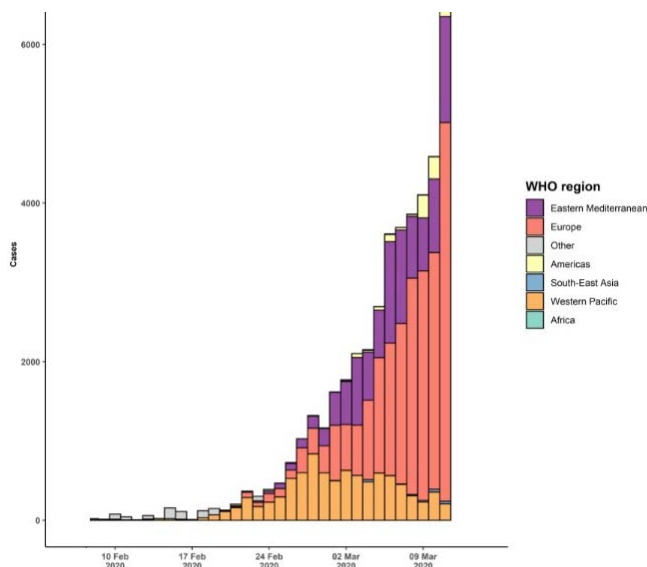

Рис. 1. Статистика ВОЗ по распространению коронавируса

Источник: Всемирная организация здравоохранения¹

¹ <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports/>.

В процессе написания данной статьи коронавирус из природно-очаговой инфекции достиг уровня пандемии, при котором заболевание неконтролируемо распространяется в глобальном масштабе. Исходя из предыдущего опыта противодействия вирусам SARS и MERS, вероятно, ситуация будет взята под контроль: будут разработаны средства профилактики и противодействия заболеваемости коронавирусом, эпидемия постепенно пойдет на спад. Таким образом, можно будет говорить о временном характере пандемии. Вопрос лишь в том, как долго продлятся ограничительные административные меры и какие сроки следует предусмотреть в контрактах в плане исполнения обязательств.

Последствия коронавируса COVID-19

Быстрое распространение вируса по планете, повсеместное введение ограничений на транспортное сообщение и заявления правительств и ВОЗ о наличии угрозы здоровью населения в глобальном масштабе оказали серьезное влияние на международный бизнес. Компании из Юго-Восточной Азии, прежде всего из Китая, начали сокращать или приостанавливать производственную деятельность и отгрузку товаров, что повлекло за собой повсеместное нарушение контрактных обязательств. В других странах постепенно ограничивается транспортное сообщение, ужесточается эпидемиологический контроль, вводится карантин, отменяются мероприятия, закрываются офисы и учебные учреждения.

Действия властей по борьбе с вирусом создали существенные барьеры для исполнения контрактов. Экономистам еще предстоит произвести предварительный расчет ущерба, нанесенного международной торговле. Но уже сейчас очевидно, что ситуация вокруг коронавируса окажет самое негативное влияние на экономику и будет иметь долгосрочные последствия.

Вспышка COVID-19 отчетливо продемонстрировала хрупкость глобальной системы торгов-

ли, когда выпадение одного из звеньев негативно действует на всю торговую цепочку. Так, например, общий объем строительных проектов в Сингапуре составляет 14–17 млрд долл. и в значительной степени зависит от иностранной, в основном китайской, рабочей силы. В результате ограничения на перемещение иностранной рабочей силы и введения эпидемиологического контроля в Сингапуре следует ожидать повсеместных нарушений контрактных сроков строительства. Застройщики и подрядчики, вероятно, будут активно ссылаться на обстоятельства непреодолимой силы, в результате которых происходит задержка в реализации строительных проектов. Ассоциация строителей Сингапура, в которой состоит около 3000 членов, уже проинформировала правительство о нехватке рабочих: они не могут вернуться в Сингапур после празднования китайского Нового года.

Другой пример: индийские энергетические компании, которые участвуют в государственной программе развития энергетики, обратились к правительству с просьбой дать послабления по срокам и финансированию проектов по строительству генерирующих мощностей на солнечной энергии, поскольку основные компоненты солнечных батарей закупаются на китайских заводах, работа которых приостановлена. В ответ Министерство финансов Индии проинформировало компании, которые зависят от поставок из Китая, что они вправе заявить о форс-мажоре для освобождения от ответственности по госконтрактам. Аналогичные примеры можно найти повсеместно.

Административные меры правительства Китая

Чтобы как-то смягчить негативные последствия для китайского бизнеса, правительство Китая обязало отраслевые ассоциации в области машиностроения, недропользования, производства медицинского оборудования, текстиля, химической промышленности и др. обеспечить своих членов юридической поддержкой и проинформировать о необходимости обращения в Совет по содействию международной торговле Китая (ССРПТ) за сертификатами о форс-мажоре. К на-

чалу марта 2020 года ССРПТ выдал уже более 4500 сертификатов китайским компаниям из 30 секторов экономики по контрактам на общую сумму более 40 млрд долл. Ниже приведена диаграмма выданных сертификатов ССРПТ с разбивкой по секторам экономики.

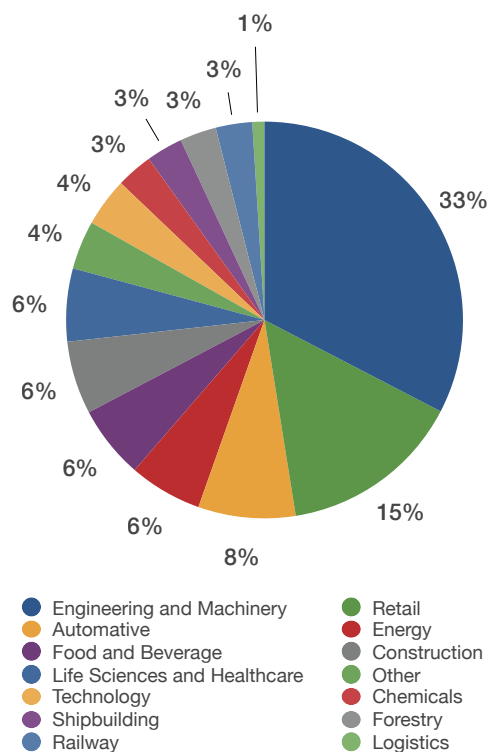

Рис. 2. Процентное соотношение выданных сертификатов о временном приостановлении деятельности в КНР

Сертификат представляет собой документ, в котором сообщается, что в соответствии с постановлением правительства той или иной провинции деятельность компаний приостанавливается до указанной даты. Например, в провинции Хэбэй, в которой находится город Ухань, выдается сертификат следующего содержания: «This is to certify that: According to “the notice of the General Office of the People’s Government of Hebei Province on the postpone of production recovery of companies” on January 30, 2020, the companies within the administrative area of Hebei Province are forbidden to recover production before 24:00 February 9, 2020. The matter is true».

Рис. 3. Сертификат о временном приостановлении деятельности, Китай

При этом в разных провинциях отделения ССРПТ выдают сертификаты разного содержания и с разными временными ограничениями.

Возникает вопрос: являются ли подобные сертификаты, пусть даже и выданные государственной организацией, оберегом от ответственности по контрактным обязательствам? Как следует из содержания сертификатов, сами по себе они не являются документами, фиксирующими факт форс-мажора. Они лишь подтверждают, что существует временный правовой запрет на работу предприятий в регионе, не более. Максимум, что могут удостоверить данные сертификаты, — это то, что предприятию было запрещено работать в определенный период времени. На наш взгляд, сам по себе сертификат не следует рассматривать в качестве полноценного доказательства существования форс-мажора, а тем более как гарантированную правовую защиту для китайских компаний. Напротив, кажется,

что данные сертификаты вводят китайские компании в заблуждение, создавая у них ложное ощущение того, что государство выдало им некое освобождение от правовых претензий со стороны контрагентов. Очевидно, что данная ситуация создает предпосылки для возникновения большого числа внешнеэкономических споров.

Административные меры других государств

Помимо административных ограничений со стороны китайских властей следует отметить и встречные ограничения со стороны государств — реципиентов китайских товаров и услуг. В некоторых странах (например, в России, Великобритании, Германии, Вьетнаме, ряде стран Африки и др.) полностью или частично приостановлено авиасообщение с Китаем и иными странами, в которых зафиксирована эпидемия COVID-19.

В России введены специальные административные меры, проводятся карантинные мероприятия, направленные на предотвращение вспышки заболеваемости. В Польше, несмотря на незначительное число инфицированных, объявлен карантин во всех образовательных учреждениях, закрыты офисы крупных корпораций. В Израиле пассажиры, прибывшие в том числе из ряда европейских стран, подлежат самоизоляции (карантину) в течение 14 дней. Не исключено, что аналогичные меры будут приняты и другими странами.

Следовательно, правовые запреты органов государственной власти в разных странах также могут создать временные препятствия для перемещения товаров и услуг и должны приниматься во внимание при правовой оценке контрактных обязательств.

Анализируя ситуацию с коронавирусом в мире, следует отметить, что, несмотря на глобальный масштаб проблемы, в большинстве случаев сам по себе коронавирус едва ли можно рассматривать в качестве непреодолимой силы, по крайней мере на данном этапе. Скорее следует говорить не о самом COVID-19 как непреодолимым препятствием на пути исполнения кон-

трактов, а об административных мерах по борьбе с вирусом, в результате которых краткосрочно приостанавливается работа компаний в рамках определенного региона, и иных ограничениях. Возникает вопрос: каковы правовые последствия таких административных ограничений и являются ли они форс-мажором?

Что такое форс-мажор?

Форс-мажор представляет собой непреодолимое обстоятельство, не зависящее от воли сторон и ведущее к невозможности исполнения договорных обязательств. В российском законодательстве концепция форс-мажора закреплена в п. 3 ст. 401 ГК и допускает освобождение от ответственности, если «надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств».

К договорам международной купли-продажи между российскими и китайскими компаниями нередко применяется Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980 года, CISG), если ее применение прямо не исключено соглашением сторон.

Пункт 1 ст. 79 CISG устанавливает, что «сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». При этом сторона, которая не исполняет свои обязательства и ссылается на форс-мажор, должна направить извещение другой стороне о существовании непреодолимой силы и ее влиянии на способность стороны исполнить контракт. Если это извещение не получено другой стороной в течение разумного срока после того, как об этом препятствии стало или должно было стать известно не исполняющей свое обязательство стороне, эта последняя сторона несет ответственность за убытки, являющиеся результатом того, что такое извещение получено не было.

Таким образом, для того чтобы то или иное обстоятельство можно было считать форс-мажором для сторон, необходимо наличие ряда обязательных элементов:

- обстоятельство нельзя было разумно ожидать при заключении договора;
- оно вызвано препятствием вне контроля сторон;
- при наступлении обстоятельства сторона не могла его преодолеть, прилагая разумные усилия;
- сторона, ссылающаяся на обстоятельство непреодолимой силы, проинформировала другую сторону в течение разумного срока о невозможности исполнить свои обязательства.

Очевидно, что бремя доказывания лежит на стороне, ссылающейся на форс-мажор.

При разработке внешнеэкономических договоров необходимо учитывать, что в некоторых правовых системах отсутствует законодательное закрепление концепции форс-мажора (Англия, Австрия, Германия, Швейцария). Поэтому если договором, к которому применяется такое право, не предусмотрены положения о форс-мажоре, то сторона не сможет сослаться на законодательный или договорный форс-мажор. Хотя не исключено, что сторона попытается применить по аналогии те или иные правила делового оборота, например Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА, которые содержат положение о форс-мажоре в ст. 7.1.7.

В тех правовых системах, где отсутствует концепция форс-мажора, существуют схожие концепции, направленные на освобождение сторон от ответственности в случае наступления непредвиденных обстоятельств. К таким, например, можно отнести концепцию тщетности договора (*frustration*), затруднения (*hardship*), невозможности исполнения (*impossibility*) и др. Поскольку все они отличаются друг от друга содержанием и правовыми последствиями, при разработке внешнеэкономических договоров рекомендуется внимательно относиться к договорным положениям о форс-мажоре, не полагаясь на законодательную защиту по данному вопросу.

Является ли эпидемия коронавируса форс-мажором?

Ответ на данный вопрос можно дать лишь применительно к обстоятельствам конкретного спора. Как было отмечено выше, важны положения договора, применимое право и сами обстоятельства дела.

Если к правоотношениям сторон применяются положения о форс-мажоре (на основе закона или договора), то базовым тестом здесь послужат четыре описанных выше элемента. Если же какой-либо из указанных элементов отсутствует, говорить о форс-мажоре не приходится.

Один из ключевых вопросов — могут ли стороны разумно предвидеть наступление тех или иных событий на момент заключения договора. Например, если контракт был заключен после 31 декабря 2019 года, то есть после того, как правительство КНР официально уведомило ВОЗ о вспышке заболевания, поставщик из Китая едва ли может заявлять о непредвиденности. Как уже говорилось, подобные эпидемии случались и прежде (SARS и MERS) и методы борьбы с ними хорошо известны: введение административных ограничений и карантина. Следовательно, в описанном случае на момент заключения договора — при должной осмотрительности — можно было ожидать введения жестких административных ограничений и распределить риски в договоре.

Как отмечают исследователи, резкий рост числа случаев заболевания COVID-19 в Южной Корее при достаточно небольшом количестве случаев в соседних странах (Гонконге, Сингапуре, Тайване, Таиланде) объясняется тем,

что последние активно применяют свой прошлый опыт, приобретенный в борьбе с вирусом SARS в 2002 году: карантин и административные ограничения на деятельность компаний и государственных учреждений. В Южной Корее аналогичный опыт отсутствует, поскольку страна была практически не затронута SARS, а карантин в связи с COVID-19 был введен со значительной задержкой. В Италии, где до последнего момента отрицали необходимость введения всеобщего карантина, и вовсе произошел взрывной рост заболеваемости и смертности.

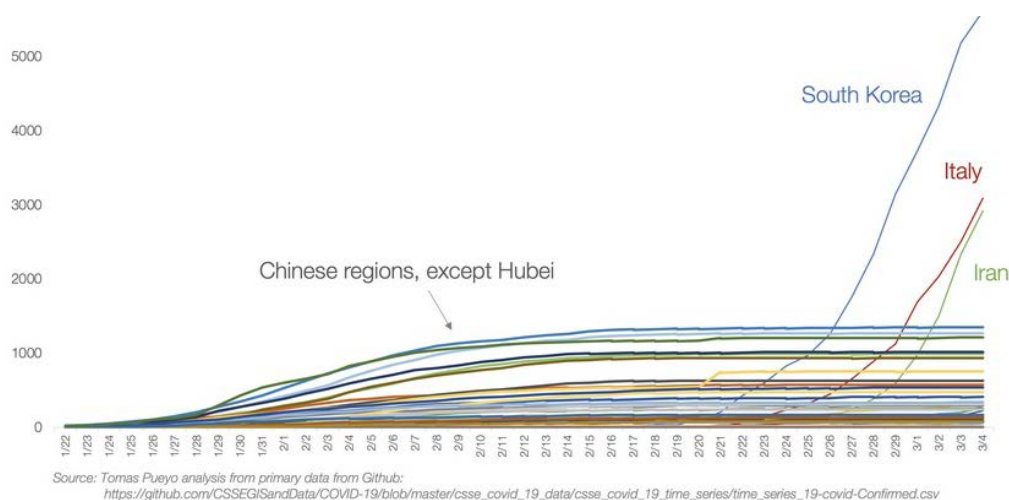

Рис. 4. Динамика распространения коронавируса в регионах Китая (кроме области Хубэй), Южной Корее, Италии, Иране.

Если увеличить масштаб графика (рис. 4) в правом нижнем углу, то можно увидеть статистику других стран южно-азиатского региона — Гонконга, Сингапура, Таиланда и Японии. Процент заболевших здесь несравнимо меньше, чем в соседней Южной Корее, и экспоненциального роста числа заболеваний не наблюдается.

Исходя из предыдущего опыта, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в случае новой эпидемии в будущем следует ожидать экстренного введения административных мер, которые, несомненно, станут препятствовать исполнению договоров.

Другим вопросом является предвиденность возможного, но не очевидного события. Например, можно ли предположить (а если можно,

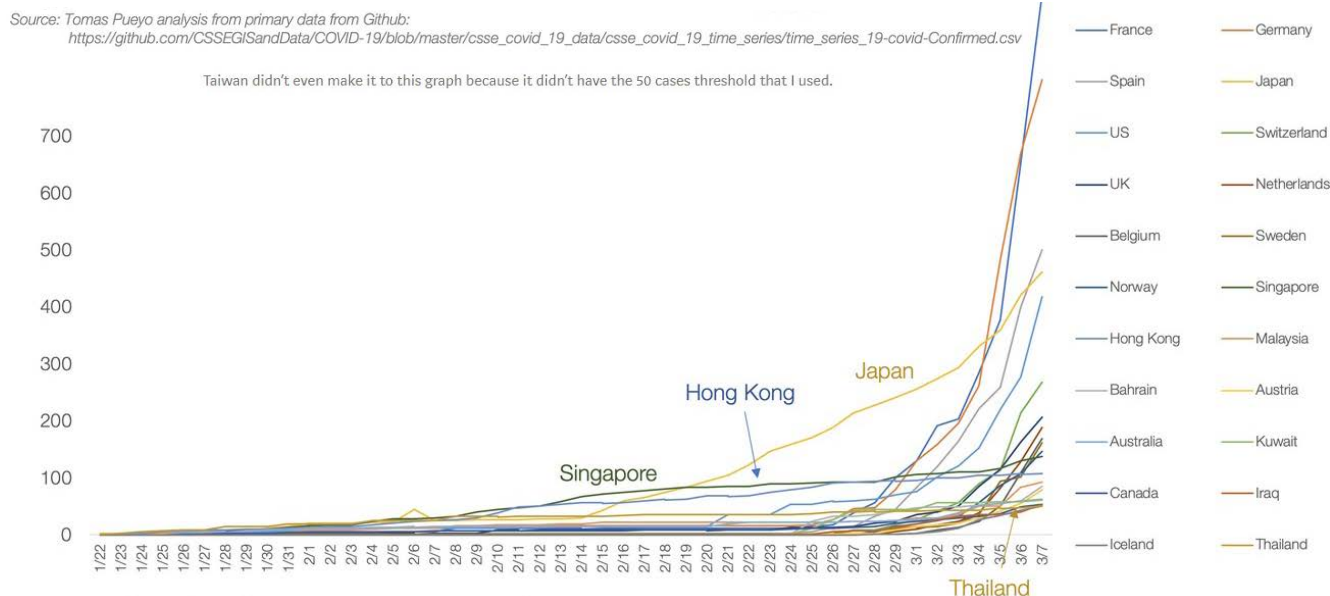

Рис. 5. Статистика распространения коронавируса вне КНР

то с какой вероятностью), что в будущем вновь начнется пандемия, которая будет препятствовать исполнению договоров. Вопрос дискуссионный, однако, принимая во внимание участвовавшие случаи глобального распространения новых инфекционных заболеваний в последние десятилетия, вероятность появления новых, ранее неизвестных заболеваний в отдельных регионах планеты достаточно высока.

Является ли вспышка коронавируса реальным препятствием для исполнения договора и находится ли такое препятствие вне контроля сторон? Вновь все зависит от конкретных обстоятельств дела. Возможно, что на момент приостановления работы предприятия в конкретной провинции КНР товар уже был произведен и административные ограничения, направленные на приостановление производства, не препятствовали отгрузке. Помимо этого, правительства не всех провинций Китая незамедлительно ввели ограничения на работу компаний в указанный период времени. Вместе с тем, даже если товар производится в провинции, где запретов нет, но транспортировка или складирование осуществляются через провинцию, в которой введен карантин, можно говорить о существовании фактического препятствия, которое находится вне контроля сторон. Тем не менее сторона должна доказать, что у нее не было альтернативного

способа поставки товара покупателю, пусть даже и влекущего за собой увеличение себестоимости. Например, поставщик мог исполнить договор, закупив товар у другого производителя, отправив груз другим маршрутом и т.д. Иначе говоря, сторона должна доказать, что не могла преодолеть текущие обстоятельства, приложив разумные усилия.

Вопрос разумности является оценочным и решается индивидуально в каждом конкретном случае. Для иллюстрации концепции разумности можно привести хрестоматийный пример, когда в результате Суэцкого кризиса 1956 года был заблокирован Суэцкий канал и продавец из Судана отказался от поставки 300 тонн арахиса по морю в Гамбург, ссылаясь на форс-мажор – невозможность доставки через канал. Однако, поскольку в договоре не был прописан маршрут именно через канал, суд не согласился с продавцом на том основании, что товар мог быть поставлен в Гамбург по альтернативному, хотя и более протяженному маршруту – через мыс Доброй Надежды и западное побережье Африки (4386 миль против 11137). Суд указал, что некоторое удорожание транспортировки не препятствует поставке товара, как, впрочем, и не влечет фундаментального изменения обстоятельств для продавца.

Итак, для доказывания форс-мажора следует установить наличие каждого из элементов форс-мажора применительно к фактическим

обстоятельствам конкретного дела. При этом на сторону, которая ссылается на обстоятельства непреодолимой силы, возлагается бремя доказывания того, что она предприняла разумные шаги по преодолению такого препятствия. Помимо этого, на сторону, ссылающуюся на невозможность исполнения договора из-за форс-мажора, возлагается обязанность своевременного уведомления другой стороны о наступлении таких событий.

Важно также принимать во внимание и временный характер эпидемиологической ситуации. В случае с предыдущими известными вспышками коронавируса эпидемии были взяты под контроль в течение нескольких месяцев. С этой целью в контрактах нередко устанавливается определенный срок:

- мораторий, в течение которого стороны освобождаются от ответственности за неисполнение обязательств;
- тест на возможность преодоления того или иного препятствия. Если по истечение оговоренного срока, несмотря на разумные усилия стороны, обстоятельство не преодолено или не прекратило существование, то стороны вправе отказаться от исполнения договора, а также прибегнуть к иным мерам защиты своих прав.

Как уже было отмечено, установление факта наступления форс-мажора освобождает сторону от ответственности в связи с неисполнением договора, однако может повлечь за собой определенные правовые последствия: полную или частичную реституцию, уплату процентов и, если предусмотрено договором, расторжение договора. Так, п. 5 ст. 79 CISG допускает, что потерпевшая сторона вправе применить различные способы правовой защиты, за исключением взыскания убытков. Пункт 4 ст. 7.1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИ-ДРУА позволяет стороне расторгнуть договор, приостановить исполнение или потребовать уплаты процентов. Пункт 3 ст. 401 ГК РФ также предусматривает освобождение стороны от ответственности, если она докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие обстоятельств непреодолимой силы.

Распространенной практикой является перечисление в договоре всевозможных событий, которые стороны относят к форс-мажору: например, землетрясение, ураган, тайфун, цунами, вулканическая активность, удар молнии, наводнение, засуха, падение метеорита, эпидемия, эпизоотия, ионизирующее излучение или радиоактивное загрязнение, война, враждебные действия других государств, локальное военное вторжение, массовое перемещение беженцев, восстание, террористические действия, пиратство, революция, мятежные действия, военный переворот, гражданская война, бунт, волнения, беспорядки, забастовки, массовое увольнение, изменение законодательства при условии, что природа такого изменения препятствует исполнению контракта или такое исполнение становится незаконным, национализация, эмбарго, экономические санкции — список можно продолжить. Нередко стороны полагают, что достаточно указать в договоре максимальное число событий, чтобы они автоматически считались форс-мажором. Однако это не совсем так. Одного лишь перечисления возможных событий в документе недостаточно, поскольку, наступив, событие должно отвечать признакам непредвиденности, неподконтрольности сторонам и непреодолимости.

В настоящее время положения контрактов, касающиеся форс-мажора, перестали быть типовыми и малозначимыми, которые стороны обычно обходили своим вниманием. С учетом возрастающих факторов риска локальных конфликтов, беспорядков и забастовок, экономических санкций, пандемий и природных явлений рекомендуется тщательно подходить к разработке договорных положений о форс-мажоре с целью минимизировать правовые риски. Особый акцент следует сделать на распределении договорных рисков в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы и ограничении ответственности. В качестве типового положения о форс-мажоре можно взять типовую оговорку о форс-мажоре Международной торговой палаты 2003 (ICC Publication No. 650), адаптировав ее для нужд конкретного договора.

РАЗВИТИЕ АРБИТРАЖА И РЕФОРМА ТРЕТЕЙСКОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Денис Микшиш
директор по
международному
сотрудничеству
и региональному
развитию
Арбитражного
центра при РСПП,
к. ю. н.

Тема арбитража в Китайской Народной Республике (КНР), несмотря на наличие отдельных публикаций по данной теме¹, в настоящее время остается сравнительно малоизученной и ждет своего исследования. Однако она заслуживает самого пристального внимания, учитывая впечатляющие достижения в развитии китайского арбитража, комплекс проблем, накопившийся ввиду взрывного развития арбитража в КНР, и предпринятую властями Китая масштабную реформу в данной сфере.

Начнем с достижений. По итогам 2019 года Китай может возглавить список юрисдикций, в которых развит внутренний арбитраж, обойдя по этому показателю США и страны Европы. Это огромный успех для юрисдикции, в которой институциональный арбитраж в современном виде появился в 1949 году (и только в международной сфере) и получил повсеместное распространение в 1995 году², а первые постоянно действующие арбитражные учреждения были созданы в 1956 и 1959 годах³.

Существующая система арбитражных учреждений возникла в результате принятия Закона КНР об арбитраже от 31 августа 1994 года, предусматрившего монополизацию третейской сферы и создание арбитражных комиссий в каждой провинции.

За 35 лет в Китае было создано 255 арбитражных учреждений, арбитраж развивается впечатляющими темпами. С 1995 по 2018 год арбитражными комиссиями КНР было рассмотрено свыше 2,6 млн дел на сумму 4 трлн юаней (порядка 600 млрд долл.). Только в 2018⁴ году было принято к рассмотрению 544 536 новых исков на сумму около 695 млрд юаней, что в 2,3 раза превышает показатели 2017 года⁵. А по количеству исков, принятых к рассмотрению в порядке меж-

¹ Русакова Е. П. *Международный коммерческий арбитраж в Китае* // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 4. С. 159–164; Безбах В. В., Ситкарева Е. В. *Арбитраж (третейское разбирательство) в Китайской Народной Республике* // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 6 (64). С. 221–231.

² Появление в Китае арбитража в виде, близком к современному, связывается с принятием в 1912 году Положения о коммерческом арбитраже, которое считается первым нормативным актом, регулирующим коммерческий арбитраж в КНР. Впрочем, ввиду внутренней нестабильности в развитии китайского арбитража наступил долгий перерыв — с 1913 до 1949 года. В 1949 году Народным правительством провинции Тяньцзинь были изданы Временные нормы и правила примирения и арбитража. Данное решение было первым нормативным актом об арбитраже после основания Китайской Народной Республики (подробнее см.: Чжао Сюэнь. *Международный коммерческий арбитраж*. Пекин, 2012. С. 10). Поэтому некоторые российские исследователи принимают именно 1949 год за отправную точку в периодизации истории институционального арбитража в КНР (Русакова Е. П. *История возникновения арбитража в Китае* // Правозащитник. 2016. № 4. С. 4).

³ В 2012 году филиалы СИЕТАС в Шанхае и Шэньчжэне заявили об обособлении в качестве самостоятельных арбитражных центров. В 2015 году был создан Ханчжоуский международный арбитраж, а в 2018 году — Хайнаньский международный арбитраж.

⁴ Здесь и далее приводятся цифры для материкового Китая без учета САР Гонконг и САР Аомынь.

⁵ В 2017 году арбитражные комиссии КНР приняли к рассмотрению 239 360 исков. Данные сверены с цифрами в докладе министра юстиции КНР от 28 марта 2019 года. В англоязычных открытых источниках имеются аналогичные данные. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/international-arbitration-laws-and-regulations/china>. Для сравнения: Американская арбитражная ассоциация (AAA) в 2018 году приняла к рассмотрению 8983 исков, независимый регулятор финансовых рынков США (Financial Industry Regulatory Authority, FINRA) — 4325, а Третейский суд при Международной торговой палате (ICC) — 842.

дународного коммерческого арбитража (3673 дел), китайские арбитражи обошли десятку крупнейших арбитражных центров мира (3326 дел). Для сравнения скажем, что количество споров (не только в порядке МКА, а в целом), инициированных в 10 крупнейших арбитражных центрах мира, составило 6288⁶.

Главной отличительной особенностью китайского арбитража, давшей ему значительное стартовое преимущество, но сдерживающей его развитие на современном этапе, был протекционистский подход к созданию и деятельности арбитражных учреждений. Закон КНР об арбитраже закрепил централизованный и единообразный характер системы арбитражных учреждений в КНР и в известной мере обеспечил им тепличные условия развития за счет отсутствия конкуренции внутри каждого региона и обеспечения устойчивого потока обращений — условия, о которых учреждения европейских юрисдикций могут только мечтать.

Согласно ст. 10 Закона КНР об арбитраже арбитражные комиссии могли создаваться только при региональных торговых палатах и народных правительствах соответствующих регионов (городов центрального подчинения, провинций, автономных районов и районных городов) и подлежали регистрации в региональных органах юстиции. Таким образом, государство в лице региональных правительств выступило соучредителем всех действующих в материковом Китае арбитражных учреждений.

На первоначальном этапе такая система, наряду с кооперацией бизнеса и власти, показала себя очень эффективной. Деятельность арбитражных комиссий в каждом регионе была поддержана партийными, судебными и административными

органами, в результате чего бизнес начал чрезвычайно активно использовать арбитраж и тем самым несколько разгрузил судебную систему (порядка 2% споров). Наличие единообразной системы контролируемых государством арбитражных учреждений облегчало контроль над законностью их деятельности и предотвращало возможность злоупотребления арбитражем для легализации сомнительных с правовой точки зрения сделок.

По данным Министерства юстиции КНР, озвученным на Всекитайской конференции по арбитражу в Шанхае⁷, лидерами по количеству исков в 2018 году являлись следующие учреждения⁸:

Место	Арбитражное учреждение	Кол-во исков
1	Guangzhou Arbitration Commission	189 620
2	Zhangzhou Arbitration Commission	79 816
3	Wuhan Arbitration Commission	44 553
4	Beihai Arbitration Commission	58 825
5	Hangzhou Arbitration Commission	10 009
6	Shenzhen Arbitration Commission	7635
7	Baoding Arbitration Commission	7123
8	Zhanjiang Arbitration Commission	6726
9	Shanwei Arbitration Commission	5464
10	Beijing Arbitration Commission	5365

Система арбитража в КНР строилась как двухуровневая, состоявшая из нескольких (изначально двух⁹) внешнеторговых арбитражей общенационального масштаба (верхний уровень) и большого количества региональных арбитражей, рассматривавших внутренние споры (нижний уровень). Каждый региональный арбитраж в рамках своей провинции не имел кон-

⁶GAR International Arbitration Statistics 2018 — Another busy year for Arbitral Institutions. URL: <https://globalarbitrationnews.com/>.

⁷Доклад министра юстиции КНР 28 марта 2019 года на Национальной конференции по арбитражу в Шанхае (National Conference on Arbitration Work was convened by China's Ministry of Justice in Shanghai on 28 March 2019). URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/insights/8-minutes-to-get-a-complete-picture-of-chinese-arbitration-in-2018.html>.

⁸По данным доклада министра юстиции КНР 28 марта 2019 года на Национальной конференции по арбитражу в Шанхае. Автор выражает признательность коллегам из Харбинской арбитражной комиссии, предоставившим приложение к докладу министра юстиции в виде подробной статистической сводки.

⁹В 2012 году филиалы СИЕТАС в Шанхае и Шэньчжэне заявили об обособлении в качестве самостоятельных арбитражных центров. В 2015 году был создан Ханчжоуский международный арбитраж, а в 2018 году — Хайнаньский международный арбитраж.

курента и при этом был обеспечен работой, учитывая стремительный рост количества споров в народных судах Китая и негласную установку партийных органов практиковать современные способы разрешения договорных споров.

Международный арбитраж был уделом избранных, поскольку компетенцией на рассмотрение споров с иностранным элементом были наделены лишь несколько комиссий, и лишь сравнительно недавно такое разрешение получили провинциальные арбитражные центры. Впоследствии это ограничение было смягчено, что сразу же изменило арбитражную среду, сделав ее конкурентной¹⁰. Уже к 2018 году споры с иностранным элементом были зафиксированы в 56 из 255 арбитражных учреждений КНР. При этом, как видно из представленной ниже таблицы¹¹, явным лидером по количеству поступивших исков является не СИЕТАС, а Гуанчжоуская арбитражная комиссия (GAC).

Место	Арбитражное учреждение	Кол-во исков МКА
1	Guangzhou Arbitration Commission	2162
2	China International Economic and Trade Arbitration Commission	522
3	Shenzhen Arbitration Commission	273
4	Beijing Arbitration Commission	88
5	Shanghai International Economic and Trade Arbitration Commission	81
6	Xiamen Arbitration Commission	78
7	Shanghai Arbitration Commission	65
8	Hangzhou Arbitration Commission	43
9	Nanjing Arbitration Commission	39
10	Zhuhai Arbitration Commission	39

В период становления современной китайской системы арбитража внутри нее практически не было конкуренции между арбитражными

комиссиями, каждая из которых имела стабильный приток дел, а значит, не доставало стимулов к их эволюции. Возникал риск консервации, огосударствления арбитража и превращения его в побочную ветвь судебной системы с копированием ее слабых сторон и утратой родовых черт арбитража – гибкости, независимости, профессионализма и оперативности.

Таким образом, система арбитража в КНР помимо бесспорных достижений имела свои «детские болезни роста», для преодоления которых КПК была инициирована масштабная арбитражная реформа, проект которой было поручено разработать Министерству юстиции КНР. Чтобы вывести китайский арбитраж на новый уровень, министерство предложило план развития конкурентной среды для арбитража.

Арбитражная реформа стартовала в 2017 году, когда по итогам XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) и Всекитайского собрания народных представителей был принят План развития арбитража до 2022 года. Дорожная карта реализации этого плана была сформулирована в программном выступлении министра юстиции КНР на Национальной конференции по развитию арбитража, состоявшейся в Шанхае 28 марта 2019 года. Наконец, 16 апреля 2019 года было обнародовано совместное разъяснение ЦК КПК и Госсовета КНР об укреплении арбитража, в котором описаны механизм выполнения «Плана-2022» и задачи всех вовлеченных в его реализацию сил – партийных и государственных органов, а также арбитражных учреждений.

Правительство КНР придает повышенное значение арбитражу, поскольку государственные суды сталкиваются с взрывным ростом количества дел (только за 2013–2017 годы в суды поступило около 96 млн исков; прирост составил 60%, и эта динамика сохраняется). Китай поддерживает альтернативное разрешение споров (ADR), в частности арбитраж, чтобы он мог более полно выполнять свои функции.

¹⁰ Согласно ст. 3 постановления Постоянного бюро Государственного совета КНР «О некоторых вопросах, подлежащих разъяснению, относительно приведения в действие Закона КНР “Об арбитраже”» иные (кроме СИЕТАС и СМАС) арбитражные учреждения могут принимать к рассмотрению дела, осложненные иностранным элементом (foreign-related cases), если стороны контракта об этом договорились.

¹¹ По данным доклада министра юстиции КНР 28 марта 2019 года на Национальной конференции по арбитражу в Шанхае.

Кроме того, Китай рассчитывает широко применять арбитраж для урегулирования коммерческих споров в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (BRI) и содействовать передаче международных коммерческих споров, связанных с BRI, в китайские арбитражные институты, обладающие хорошей международной репутацией. С этой целью задумано построение к 2022 году сразу нескольких новых специализированных арбитражных кластеров: в Даляне, Циндао (морские перевозки), Харбине, Ухане.

Тем самым Китай надеется повысить международную конкурентоспособность и вес китайского арбитража, сделав ряд учреждений арбитражными брендами мирового и регионального масштаба (для выполнения этой задачи Министерством юстиции будет выбрано порядка 30 учреждений, в том числе 10 «первой величины»), участвовать в разработке международных арбитражных правил и продвигать китайский арбитраж для разрешения международных инвестиционных споров.

Основная цель плана — построить к 2022 году многоуровневую систему арбитражных учреждений, основанную на национальных особенностях Китая, соответствующую статусу большой страны и адаптированную к международному развитию, с усовершенствованной системой управления и саморегулирования, сочетающей административное руководство и отраслевую самодисциплину.

Цели «Плана-2022» сформулированы министерством юстиции Фу Чжэнхуа следующим образом:

- побудить китайские арбитражные институты сотрудничать друг с другом для удовлетворения внутренних потребностей страны, а также для закрепления международного статуса Китая и для удовлетворения его потребностей в мировой торговле;
- разумно сочетать руководство и надзор Министерства юстиции по арбитражу с автономией арбитражного сообщества;
- повысить профессиональный уровень арбитров и административного персонала в арбитражных учреждениях;
- повысить доверие к арбитражу, а также

значительно увеличить долю дел, разрешаемых с применением ускоренных процедур, долю дел, которые разрешаются путем посредничества и примирения, и долю дел, в которых арбитражные решения исполняются сторонами автоматически (добровольно);

- создать глобальный и региональный бренд китайского арбитража для усиления международного влияния и голоса китайского арбитража;
- значительно повысить вероятность того, что стороны выберут арбитраж в качестве предпочтительного метода урегулирования споров, и таким образом сделать арбитраж важным средством разрешения гражданских и коммерческих споров;
- создать новую модель надзора за арбитражем в Китае, в рамках которой арбитражные институты должны создаваться правительством и находиться под руководством Коммунистической партии Китая, сохраняя при этом полную процессуальную независимость, а арбитраж подлежит судебному и общественному контролю.

Инструментом для измерения прогресса арбитражных учреждений является рейтинг эффективности арбитражных учреждений, который ведет Министерство юстиции. Этот рейтинг учитывает такие показатели, как суммарное количество поступивших исков и отдельно исков в порядке МКА, сумма требований в юанях, количество и процент споров, закончившихся медиацией или мировым соглашением, количество отмененных решений и отказов в приведении решений в исполнение, а также количество соглашений с иностранными арбитражными центрами и международных форматов, в которых участвует данное учреждение, создание на базе китайской арбитражной комиссии арбитражного центра на уровне АТР или субрегиона (Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и т.д.). Уже получен и проанализирован рейтинг за 2018 год, ввиду чего «социалистическое соревнование» между ведущими и подающими надежды арбитражными учреждениями

КНР продолжается, а их активность на международной арене заметно усиливается.

Итак, с 2017 года арбитражное сообщество КНР работает на свободном конкурентном рынке, хотя и под общим руководством компартии, определяющей стратегические приоритеты и требования к арбитражным учреждениям. Теперь арбитражные учреждения Китая должны конкурировать за деловые отношения друг с другом и с арбитражными учреждениями в других странах. Такая конкуренция, по мнению авторов «Плана-2022», будет способствовать выживанию в Китае наиболее эффективных арбитражных институтов, пользующихся достаточным авторитетом в международных деловых и юридических кругах и особенно в арбитражном сообществе.

О промежуточных итогах реформы можно судить по ряду встреч, состоявшихся у автора настоящей статьи в течение 2019 года с коллегами из Харбинской и Сямыньской арбитражных комиссий, Гонконгского международного арбитражного центра и Арбитражной комиссии Циндао, с которыми были заключены соглашения о сотрудничестве. Каждое из указанных учреждений в настоящее время развивается и продвигает свой межрегиональный или национальный проект и очень серьезно относится к упомянутому выше рейтингу, ссылаясь на него в своих докладах и информационных материалах.

Например, в докладе Лин Янвэня (Сямыньская АК) на V Тихоокеанском юридическом форуме во Владивостоке особо отмечалось, что комиссия стала «визитной карточкой» региона Сямынь и других регионов между Гонконгом и Циндао, поскольку в 2018 году приняла 12 685 исков на сумму 68,4 млрд юаней; создан региональный Центр разрешения коммерческих споров, при этом по количеству принятых спорных дел САК входит в топ-10 арбитражных учреждений Китая, а в мае 2019 года Министерство юстиции КНР присвоило САК

звание организации с 10 наилучшими показателями по внешнеэкономическим спорам.

Китайские арбитражные учреждения второго ряда в настоящее время активно приглашают к сотрудничеству зарубежных арбитров и экспертов, форсируя развитие компетенции в сфере администрирования МКА, модифицируют свои правила арбитража.

Одним из направлений, в котором КНР значительно опережает многие страны Европы и Азии, является развитие арбитража онлайн. В рейтинге эффективности арбитражных учреждений имеется отдельный ключевой показатель «Количество и процент споров, рассмотренных онлайн», причем суммарное число таких споров, рассмотренных в 2018 году, превышает 67% (365 000 дел).

Также интересной особенностью современного китайского арбитража является значительный процент дел, урегулированных путем арбитража-медиации либо путем заключения мирового соглашения. По данным Министерства юстиции КНР, в 2018 году каждое четвертое дело в материковом Китае (140 281 из 544 536) было завершено примирением сторон.

Отдельного упоминания заслуживает и статистика отказов в исполнении и отмен арбитражных решений. За 2018 год было отменено всего 64 решения внутрикитайских арбитражей (0,01%), а отказано в приведении в исполнение 127 решений (0,02%), что может свидетельствовать о беспрецедентном доверии китайской судебной системы к арбитражам. С другой стороны, к этим цифрам следует относиться осторожно, поскольку они могут свидетельствовать о неполноте учета либо об огосударствлении арбитража в Китае и возникновении вместо классической «двойной спирали ДНК» (метафора отношений судебной и арбитражной систем, предложенная Нилом Эндрюсом)¹² некоего гибрида.

Завершая этот краткий очерк, отметим, что опыт КНР в развитии арбитража еще предстоит изучить и выявить его плюсы и минусы.

¹² Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 474.

ERA-PLEDGE: КАК ДОБИТЬСЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ?

Елена Перепелинская
партнер, INTEGRITES,
Киев

Евгения Рубина
партнер, ENYO,
Лондон

Что такое Pledge?

Equal Representation in Arbitration – Pledge (ERA Pledge, или Pledge) – это международная инициатива, сторонники которой обязуются принимать меры для увеличения количества женщин-арбитров, а со временем – достижения полного гендерного паритета в назначениях арбитров, а также для улучшения представленности и известности женщин в арбитраже в целом.

Pledge: история

ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Проблему низкого числа назначений женщин-арбитров в международном коммерческом арбитраже начали широко обсуждать в арбитражном сообществе с 1990-х годов. В 1993 году была создана организация ArbitralWomen, задачей которой является продвижение интересов женщин, практикующих в области международного арбитража. К 2015 году, когда арбитражные институты начали публиковать первые статистические данные о количестве назначаемых женщин-арбитров, их процент от общего числа назначений оказался крайне низким – около 10%.

Идея Pledge зародилась в 2015 году в Лондоне, когда два десятка ведущих арбитражных

специалистов собрались на неформальный ужин, чтобы обсудить конкретные меры по увеличению количества назначений женщин-арбитров. В отличие от предыдущих инициатив в этой области, основатели Pledge заручились поддержкой лидеров арбитражного сообщества – как мужчин, так и женщин. После 10 ужинов в Нью-Йорке, Берлине, Гонконге, Дубае, Сингапуре, Париже, Женеве, Риме, Вене и Амстердаме, на которых были одобрены концепция и проект текста Pledge, проект был официально запущен в Лондоне в мае 2016 года на конференции GAR Live, где он собрал первые 300 подписей. Оргкомитет Pledge возглавили Сильвия Нури, партнер Freshfields, и Венди Майлз QC, являвшаяся на тот момент партнером Boies Schiller.

Конкретные меры

Концепция Pledge – перейти от обсуждения проблем гендерного баланса в арбитраже к конкретным действиям по изменению текущей ситуации и публичной постановке целей. Таких целей две, и для достижения каждой из них предлагается следующее.

Чтобы улучшить представленность и повысить известность женщин в арбитраже, подписанты инициативы по возможности обязуются:

- обеспечить справедливое количество женщин в комитетах, руководящих органах и на конференциях в сфере арбитража;
- побудить старших и опытных арбитражных специалистов оказывать поддержку, наставничество / спонсорскую помощь и вдохновлять женщин стремиться к назначениям в качестве арбитров или к повышению своей узнаваемости и расширению практики.

Для назначения женщин арбитрами на основании равных возможностей подписанты Pledge обязуются по возможности обеспечить:

- справедливое количество женщин-арбитров в списках потенциальных арбитров арбитражных институтов, государств и национальных комитетов (если такие списки ведутся);
- справедливое количество женщин-арбитров при выборе кандидатов на назначение, когда такое право предоставляется представителям сторон, арбитрам, корпорациям, государствам и арбитражным институтам (для упрощения этой задачи можно воспользоваться поисковым инструментом на сайте Pledge <http://www.arbitrationpledge.com/arbitration-search>);
- справедливое количество женщин-арбитров в списках потенциальных кандидатов на должность арбитра или арбитра-председателя, которые представляются или рассматриваются сторонами, их внутренними юристами или внешними представителями и т.д. (для этих целей юридическим фирмам предлагается провести внутренние просветительские мероприятия и принять соответствующие политики, вести собственную статистику предложений и назначений, которая, среди прочего, запрашивается Global Arbitration Review в рамках исследования для рейтинга GAR 100);
- ведение и опубликование гендерной статистики назначений арбитров (с разбивкой на назначения сторонами, арбитражным институтом и арбитрами).

Важно отметить, что Pledge *не* предусматривает квот по назначению женщин-арбитров. Подписанты обязуются лишь включать женщин в списки потенциальных кандидатов.

Прогресс за пять лет

С 2015 года инициатива набрала более 4000 подписей из более чем 110 юрисдикций. Около 700 подписантов – организации, включая практически все крупнейшие арбитражные институты, международные корпорации, финансирующие арбитраж организации (third party funders) и даже государства.

Обязательства институтов по принятию описанных выше мер, в том числе по назначениям женщин-арбитров и ведению гендерной статистики, уже принесли существенные результаты. Прозрачность в этих вопросах позволяет легко отследить и реальное исполнение обязательств, и реальный прогресс. За первые два года инициативы процент назначений женщин-арбитров вырос практически в два раза (с 10 до 18%). Полных данных за 2019 и 2020 годы пока нет, однако то, что опубликовано, позволяет говорить о дальнейшем росте процента назначения женщин-арбитров практически по всем институтам и приближении этой цифры в среднем к 30% и более.

Для того чтобы отметить и вознаградить выдающиеся усилия в отношении гендерного разнообразия в международном арбитраже, была создана специальная награда Pledge Award, которая вручается на ежегодной церемонии GAR Awards. Номинантами на эту награду являются как организации, которые продемонстрировали существенный прогресс в достижении целей Pledge, так и лица, которые приложили серьезные усилия для достижения таких целей.

Почему Pledge – это важно?

Многочисленные исследования показывают, что качество решений, принимаемых коллегиально, выше, если в их принятии участвует смешанный состав участников – и мужчины, и женщины.

И хотя это касается и других сфер, для арбитража это означает, что успех его дальнейшего развития непосредственно зависит от внедрения принципов разнообразия, прежде всего гендерного, при формировании арбитражных трибуналов, руководящих органов профессиональных объединений и арбитражных институтов.

Более того, расширение числа потенциальных арбитров (в том числе за счет назначения большего количества женщин-арбитров) поможет разрешить такие хронические проблемы международного арбитража, как конфликты интересов и задержки в проведении разбирательства и вынесении арбитражных решений, связанные с чрезмерной загруженностью узкого круга арбитров, получающих большое число назначений.

При этом Pledge не исключает другие формы разнообразия, но считает, что с учетом масштабов недостаточной представленности женщин (составляющих 50% населения земного шара) в арбитраже, нужно начать именно с гендерного разнообразия.

Однако речь не идет о позитивной дискриминации. Эта инициатива не предполагает выбора между заслугами и разнообразием. Цель Pledge – обеспечить равные возможности для в равной мере квалифицированных женщин, что позволит повысить качество пула арбитров и пойдет на благо всем.

Pledge в Украине

Судя по публично доступным данным, эта инициатива еще не нашла широкой поддержки в Украине, и список подписантов содержит всего несколько организаций: МКАС при ТПП Украины, Украинская Арбитражная Ассоциация и юридическая фирма INTEGRITES.

Наиболее важным в этом списке является МКАС при ТПП Украины, поскольку он администрирует порядка 99% всех международных арбитражей в стране. Он уже учитывает принципы гендерного разнообразия при формировании своих органов, а также ведет и публикует статистику назначений женщин-арбитров.

Его [статистика за 2019](#) год выглядит весьма впечатляюще. Общий процент назначений

арбитров-женщин в арбитражах по Регламенту МКАС при ТПП Украины составляет 36% – выше, чем у многих западных институтов. В абсолютных цифрах это 118 назначений. При этом назначения женщин самим институтом составляют 37% от общего числа назначений, сторонами – 45,6%, арбитрами – 22,5%.

Иными словами, в отличие от многих западных юрисдикций, в Украине стороны и их представители при назначении арбитров практически приблизились к тому самому гендерному паритету, который является одной из целей Pledge. Учитывая присоединение МКАС при ТПП Украины к инициативе, можно ожидать улучшения статистики назначений женщин-арбитров самим институтом. Возможно, в этом помогло бы обновление рекомендательного списка арбитров МКАС, лишь 26% которого на настоящий момент составляют женщины.

Также в прошлом году произошли изменения в составе президиума и заместителей председателя МКАС при ТПП Украины. В результате из 11 членов Президиума пять – женщины, что составляет 46%; все заместители председателя МКАС при ТПП Украины – женщины.

Интересно, что именно последний факт позволил украинскому МКАС попасть в число номинантов на Pledge Award в этом году.

Pledge в России

В России с точки зрения количества организаций-подписантов ситуация схожая: Pledge подписали только РАА, юридическая фирма Mansors, ICC Russia и РАЦ.

Однако наличие в этом списке только одного арбитражного центра из четырех действующих в РФ ухудшает общую картину. Ни один из оставшихся третейских центров (за исключением РАЦ) не ведет статистику назначений женщин-арбитров.

Что касается РАЦ, то в 2018 году женщины составляли 26% от общего числа назначений, а в 2019 году – 31%. При этом в 2019 году женщины составляли 15% от назначений сторонами, 32% – от назначений арбитрами и 36% – от назначений институтом.

МКАС при ТПП РФ, не являясь подписантом Pledge, не публикует статистику по назначениям женщин-арбитров, однако женщины составляют 26% его списка арбитров по международным коммерческим спорам.

В силу недостатка информации о числе назначений сложно делать какие-либо выводы о ситуации с назначением женщин-арбитров в РФ. Даже если количество таких назначений

в России и превышает процент аналогичных назначений в зарубежных арбитражных институтах, это не означает, что Pledge для России не нужен или неактуален. Большое количество квалифицированных женщин-арбитров в России (как опытных, так и молодых арбитров) – это прекрасная причина стремиться к достижению полного гендерного паритета и к занятию лидирующей позиции в мире в этой области.

25 Online Moot
P A A

**V Конкурс РАА
по Арбитражу Онлайн –
скоро в 2020 году,
присоединяйтесь!**

Организаторы:
RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION
25 РАА

ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

СУД ICC: ГЕНДЕРНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СУДЕЙСКОГО СОСТАВА

Дарья Садовникова

студент, юридический факультет НИУ ВШЭ

В 2018 году Всемирный совет Международной торговой палаты избрал новых членов суда ICC и новых членов Совета Всемирной федерации торговых палат (World Chambers Federation), представляющих разные страны. Важная роль членов суда в Международной торговой палате сравнима с ролью надзорной инстанции в государственной судебной системе: в то время как в последние годы приблизительно 1300 специалистов ежегодно выступают в качестве арбитров в арбитражных процессах ICC, лишь 176 являются его членами. Председатель суда ICC Алексис Мур особенно подчеркнул гендерный паритет, которого удалось добиться в этом составе: 88 мужчин и 88 женщин.

Ниже мы расскажем о членах суда и представителях торговых палат из стран бывшего СССР. Их полномочия истекают в 2021 году. По данным 2018 года, 9 из 17 вице-президентов и около 70% секретариата суда ICC – женщины.

Новые члены суда ICC (2018–2021 годы)

Армения

Джирайр Хабибян
Управляющий партнер,
юридическая фирма
«Аль-Камали»

Выпускник магистратуры бейрутского

Университета Св. Иосифа, с 1996 года Джирайр Хабибян является членом Ливанской коллегии адвокатов. В 2013 году был принят в Армянскую коллегию адвокатов.

Джирайр Хабибян представлял интересы многих клиентов в сделках по слияниям и поглощениям, также успешно завершил сделку стоимостью 60 млн долл. между производителем бронетехники и госзаказчиком в ОАЭ.

Также известен как международный спортивный арбитр. В течение многих лет Хабибян тесно сотрудничал с Ливанской федерацией футбола и Азиатской конфедерацией футбола; в настоящее время является президентом дисциплинарного комитета Ливанской федерации футбола.

В настоящее время Джирайр Хабибян является управляющим партнером юридической фирмы «Аль-Камали» с офисами в Дубае и Ереване.

Республика Беларусь

Александр Храпуцкий
Партнер, АБ Lex Torre,
Минск

Александр Храпуцкий включен в рейтинги Who's Who Legal: Arbitration; Chambers Global: ведущие юристы мира; The Legal 500 Европа, Ближний Восток и Африка; Руководство по международному обзору финансового права для ведущих мировых фирм в области финансового права и др.

Практикует с 1995 года. Принимал участие более чем в 50 арбитражных разбирательствах в качестве председателя трибунала, единоличного арбитра, назначенного сторонами арбитра и адвоката по арбитражным правилам ICC, SCC, VIAC, Белорусской торгово-промышленной палаты, Торгово-промышленной палаты Украины, Торгово-промышленной палаты России.

С 2017 года Александр Храпуцкий является первым и единственным членом Международного арбитражного суда из Белоруссии. Его компетентность и профессионализм по праву признаны на мировом уровне, что доказано фактом переизбрания на новый срок.

в области корпоративного права, энергетики и природных ресурсов, интеллектуальной собственности, антимонопольного законодательства, трудового права и ГЧП. Кроме того, она обладает большим опытом в области урегулирования споров в судах всех уровней в Республике Казахстан и международном арбитраже.

Айгуль Кенжебаева ежегодно входит в рейтинг ведущих юристов Казахстана (Tier 1) известных международных справочников Chambers & Partners, Legal 500, PLC Which Lawyer?, IFLR1000 и «Кто есть кто в Республике Казахстан».

Впервые юрист из Казахстана назначен членом Международного арбитражного суда Международной торговой палаты (ICC Court).

Грузия

Кетеван Бетанели
Knowledge Management Lawyer, Freshfields Bruckhaus Deringer LLP

Кетеван Бетанели – старший юрист с большим опытом работы в коммерческих и инвестиционных арбитражных разбирательствах по договорам, проводимых по основным институциональным правилам, а также в специальных арбитражных разбирательствах.

Киргизия

Наталья Аленкина
Доцент,
Американский университет
Центральной Азии

Наталья Аленкина с 1999 года является доцентом в Американском университете Центральной Азии, специализируясь на гражданском праве, а также с 2011 года работает юристом в фирме Meks Resources, которая занимается геологической разведкой.

Казахстан

Айгуль Кенжебаева
Партнер, Dentons

Айгуль Кенжебаева – управляющий партнер алма-атинского офиса Dentons. Практикующий юрист с 35-летним стажем, обладает обширным опытом консультирования по различным правовым аспектам инвестиционной деятельности в Казахстане. Кенжебаева специализируется

Латвия

Галина Жукова
Партнер,
ZUKOVA Legal

До 2016 года работала юристом в международной юридической компании White&Case, Париж. До работы в White&Case, являлась руководителем направления Секретариата Международного Арбитражного Суда ICC по работе с Восточ-

ной Европой, Россией и странами СНГ. Адвокат Парижской Коллегии Адвокатов, а также Коллегии Адвокатов Латвии. Работала в одной из ведущих прибалтийских юридических фирм и в Арбитражном суде Торгово-промышленной палаты Латвии. Также является соучредителем Общества международного экономического права, учредительное заседание которого состоялось в июле 2008 года. Ассоциированный профессор в Университет Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин, а также в Рижской Высшей Школы Права в Латвии.

Ева Калнина
Советник, *Levy Kaufmann-Kohler*

Ева Калнина специализируется на международном коммерческом и инвестиционном арбитраже с упором на споры в сфере энергетики, строительства, акционерного права и финансов. За последние 15 лет Ева выступала в качестве арбитра, адвоката и арбитражного секретаря в более чем 50 международных арбитражах. Ева является членом суда ICC и членом суда при PCA. Она также входит в число арбитров ICSID (МЦУИС) и консультировала правительства стран Восточной Европы по вопросам политики в отношении иностранных инвестиций, а также предоставляла экспертные заключения по делам ВIT иностранным инвесторам.

Россия

Юлия Загонек
Партнер,
White & Case

Юлия Загонек специализируется на международном инвестиционном и коммерческом арбитраже.

Она консультировала корпорации и частные лица по сложным спорам в нескольких юрисдикциях и арбитражным разбирательствам, проводимым в соответствии с правилами LCIA, VIAC, ICC, AAA, SCC, SIAC, UNCITRAL, МКАС при ТПП РФ. Загонек является членом Суда LCIA и Суда ICC, членом комитета по назначениям ICC Russia, а недавно заняла должность в Международном консультативном совете VIAC. Также она регулярно назначается арбитром.

Юлия Загонек регулярно читает лекции по английскому праву и международному арбитражу в МГУ, МГЮА, МГИМО, НИУ ВШЭ.

Тимур Айткулов
Партнер, *Clifford Chance CIS Limited*

Тимур Айткулов специализируется на международном арбитраже, судебном разбирательстве и разрешении споров в России и за рубежом, а также на административных и уголовных делах, связанных с хозяйственной деятельностью.

Он выступал в качестве советника и арбитра в международных арбитражных разбирательствах, связанных со слияниями и поглощениями, строительством, судостроением, нефтегазовой отраслью, атомной энергетикой (включая переговоры о пересмотре цен).

Узбекистан

Феруза Бобокулова
Начальник отдела арбитражной практики и альтернативного урегулирования споров, *PraeLegal Uzbekistan*

Феруза Бобокулова специализируется на международном коммерческом праве, английском

праве, а также на разрешении споров. Была привлечена в PraeLegal Uzbekistan в качестве ассистирующего эксперта в дело по международному арбитражу и вскоре стала полноправным членом компании. Как начальник отдела арбитражной практики и альтернативного урегулирования споров, она отвечает за все судебные разбирательства и арбитражные дела, которые ведутся за пределами Узбекистана.

Бобокулова также читает лекции в Международном Вестминстерском университете в Ташкенте и является тренером команды университета, которая ежегодно участвует в конкурсе по международному коммерческому арбитражу им. Виллема С. Виса.

Феруза Бобокулова – первый член Суда ICC из Узбекистана и самый молодой арбитр в истории Суда ICC.

Украина

Мария Костицкая
Партнер,
Winston & Strawn LLP

Мария Костицкая принята в коллегии адвокатов Вашингтона, Нью-Йорка и Парижа. Она выступает в качестве арбитра и ведущего юриста, представляя интересы клиентов в арбитражных разбирательствах по спорам между инвесторами и государствами, а также по коммерческим арбитражным разбирательствам, проводимым в рамках ICSID, UNCITRAL, ICC, LCIA и др. Арбитражный и судебный опыт Костицкой охватывает разные промышленные сектора, включая нефтегазовую отрасль, возобновляемые источники энергии, коммунальное хозяйство, инфраструктуру, банковское дело, авиацию, обрабатывающую промышленность, строительство.

Является членом Международного арбитражного суда ICC в Париже и членом Совета Грузинского международного арбитражного центра (GIAC) в Тбилиси. Назначенная арбитром

ICC и LCIA, Костицкая также включена в список рекомендованных арбитров МКАС Украины. Преподаватель Версальского университета, магистр в области арбитража и международной торговли (MACI), читает лекции по инвестиционному арбитражу. До прихода в юридическую фирму Winston & Strawn она работала и проходила стажировку в Суде США по федеральным искам (Вашингтон), юридическом департаменте Всемирного банка, Вашингтон, UNEP Женева, а также в Европейском парламенте в Брюсселе.

Елена Перепелинская
Партнер, глава
арбитражной
практики стран СНГ,
INTEGRITES

16-летний опыт юридической практики Елены Перепелинской включает представление интересов клиентов в десятках сложнейших арбитражных и судебных разбирательствах, в том числе мультиюрисдикционных, разработку договоров и договорных схем, консультирование в отношении исполнения и прекращения договоров и коммерческой деятельности в целом.

С 2003 года Перепелинская представляла интересы клиентов более чем в 85 арбитражных разбирательствах по арбитражным регламентам ICC, LCIA, SCC, SCAI, МКАС при ТПП РФ, МКАС и МАК при ТПП Украины, GAFTA, FOSFA, LMAA, UNCITRAL и др. в отношении широкого спектра вопросов, среди которых споры из договоров подряда, международной купли-продажи, эксплуатации и строительства судов, агентских и дистрибьюторских договоров, договоров о совместной деятельности, о поставке телекоммуникационного оборудования и услуг, договоров страхования, в морских, сырьевых, а также корпоративных спорах. Елена Перепелинская участвовала в качестве арбитра, в том числе единоличного, и председателя состава арбитражного суда более чем в 30 арбитражах.

Эстония

Триину Хиоб
Партнер, NJORD

Триину Хиоб возглавляет практику разрешения споров в юридической фирме NJORD. На протяжении более 15 лет

она консультировала международные частные компании и госорганы по самым сложным спорам во всех судебных инстанциях. Правительство Эстонии назначило Триину Хиоб членом Постоянной Палаты третейского суда в Гааге, и членом суда ICSID. Она регулярно выступает в качестве посредника в страховом согласительном органе Эстонской страховой ассоциации и является арбитром страхового арбитражного совета Эстонии.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА WCF (2018–2021 ГОДЫ)

Россия

Владимир Падалко
Вице-президент
ТПП РФ

Родился 15 января 1960 года. Образование высшее: КГУ им. Т. Шевченко, специальность «Международные экономические отношения», квалификация «экономист-международник, референт-переводчик»; Пекинский институт языка, специальность «Международная торговля».

С 1992 по 1996 годы занимал пост генерального директора российско-китайского совместного предприятия «Россин» (г. Шанхай); затем в течение семи лет был представителем ТПП России в Шанхае, а с 2003 по 2005 год – заместителем исполнительного директора «Опоры России».

В 2006–2012 годах Падалко являлся региональным представителем ТПП России в Восточной Азии (г. Пекин). С 2012 года и до настоящего времени занимает должность директора департамента внешних связей и работы с деловыми советами, вице-президента ТПП России. Владеет китайским и английским языками. В 2018 году Владимир Падалко был избран членом Генерального совета при Всемирной федерации палат (WCF) Международной торговой палаты (ICC).

Украина

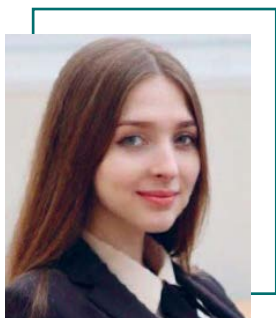
Геннадий Чижиков
Президент ТПП
Украины

Геннадий Чижиков родился 19 февраля 1964 года в Донецке. Учился в Донецком торговом институте на торгово-экономическом факультете (1981–1985 годы). После демобилизации с военной службы работал экономистом в отделе организации торговли донецкой компании «Мебли», а с 1987 года – доцентом в Донецком институте торговли. В 1992 году защитил магистерскую диссертацию, а через некоторое время – докторскую по специальности «Внешнеэкономическая деятельность». Имеет более 80 опубликованных научных и непублицистических статей. Получил стипендии в Брэдфордской школе бизнеса, Университетском колледже в Корке (Ирландия), Торгово-промышленной палате Большого Питтсбурга (США).

Геннадий Чижиков более 20 лет вносит свой вклад в развитие ТПП в Украине. С июня 2002 года по февраль 2014 года он был президентом Донецкой торгово-промышленной палаты. С февраля 2013 года Чижиков занимает должность президента ТПП Украины. 19 мая 2015 года переизбран на данный пост. За этот период при ТПП Украины были созданы и учреждены сеть центров поддержки экспорта, Национальный экспортный форум, а также двусторонние деловые советы с партнерами из 30 стран мира.

Является альтернативным членом Генерального совета при WCF ICC.

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС ПО КОММЕРЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ ICC-2020

**Анастасия
Коновалова**
студентка
МГИМО, помощник
редактора
Arbitration.ru

С 6 по 12 февраля в Международной торговой палате в Париже прошел 15-й Конкурс по международной коммерческой медиации ([15th ICC International Commercial Mediation Competition](#)).

Конкурс, поучаствовать в котором в этом году довелось автору, ежегодно проводится Международной торговой палатой для студенческих команд со всего мира. Цель конкурса – продвижение медиации как альтернативного способа разрешения коммерческих споров, а также межкультурный обмен между студентами и профессионалами из различных юрисдикций. Культурное разнообразие – одна из основных ценностей конкурса.

Заявки на участие принимаются с июля по октябрь. После регистрации командам высылаются восемь игровых кейсов (одинаковых для всех команд) и конфиденциальная информация (она зависит от того, за какую сторону команде выпадет играть). Команда может состоять из двух-четырех человек; в одном раунде играют двое: один игрок в роли клиента, другой – в роли его юриста.

Первые четыре кейса команды играют на отборочных раундах. По результатам оценок судей, 16 лучших команд переходят на следующий этап – и так далее, на выбывание. Организаторами предусмотрены специальные номинации для команд, предложивших самое творческое решение задачи, показавших лучшее взаимодействие с медиатором, с другой командой или со своим напарником.

В этом году в конкурсе участвовало 66 студенческих команд из разных стран, в том числе три из российских вузов (МГИМО, ВАВТ, РГУП). Победу одержала команда Оклендского университета (Окленд, Новая Зеландия).

ICC Mediation week 2020. Copyright: ICC WBO.

Во время игровых сессий в качестве медиаторов либо в качестве судей, оценивающих подготовку команд, выступило около 130 профессиональных медиаторов со всего мира. Помощь в организации раундов оказывали волонтеры.

Отдельно хочется подчеркнуть, насколько цифровизировано было проведение конкурса: в мобильном приложении ICC все участники могли посмотреть расписание раундов и мероприятий, получить подробную информацию о медиаторах и других студентах. После каждого раунда волонтеры с планшетами предлагали командам и судьям рассказать о своих впечатлениях. Кроме того, всем участникам был предоставлен бесплатный доступ к онлайн-симулятору медиации, где они могли потренироваться перед раундами в Париже.

Следует отметить, что мероприятие проводилось на фоне нарастающей угрозы распространения коронавируса, поэтому на столах переговоров и во всех помещениях конкурса помимо воды всегда находились дезинфекторы, пользующиеся большим спросом среди участников.

Кроме официальных раундов для всех участников, тренеров и медиаторов были организованы коктейльные вечеринки, где можно было в неформальной обстановке пообщаться и обменяться контактами.

Данный мут-корт считается крупнейшим международным конкурсом в сфере медиации, однако помимо него существует и ряд других: конкурс по медиации, также организуемый МТП, но проводимый в Гонконге; Consensual Dispute Resolution Competition (CDRC), ежегодно организуемый IBA, VIAC, ELSA в Венском университете; International Academy of Dispute Resolution (INADR) International Law School Mediation Tournament and Mediation Forum, проводимый в Чикаго. К тому же с 2016 года Центр медиации и переговоров г. Минска (Беларусь) организует Международный студенческий русскоязычный конкурс «Медиация будущего», в котором принимает участие большое количество студенческих команд из России.

Медиация очень перспективный способ урегулирования споров, в том числе в коммерческой сфере, обладающий рядом преимуществ перед арбитражем. К сожалению, в России на данный момент медиация далеко не самый востребованный метод, и одной из причин этого является банальное незнание людей о ее существовании. Проведение подобных мероприятий на международном уровне способствует как повышению осведомленности среди молодого поколения юридического и бизнес-сообщества, так и совершенствованию самой процедуры.

ГЕНДЕРНОЕ СООТНОШЕНИЕ АРБИТРОВ, НАЗНАЧЕННЫХ В АРБИТРАЖИ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В 2014–2018 ГОДАХ

Дмитрий Артюхов
юрист,
главный редактор
Arbitration.ru

Создание баланса в численном соотношении мужчин и женщин, рассматривающих споры в Лондонском международном третейском суде (LCIA), является одним из приоритетных направлений работы его администрации.

В одной из своих статей Джакомин ван Харсолт-ван Хоф, генеральный директор LCIA, подчеркнула, что разнообразие в международном арбитраже важно для легитимности вынесенных решений и долгосрочных перспектив развития арбитража как альтернативного способа разрешения споров. Кроме того, наличие разных взглядов на аргументы спора ввиду разнообразия членов состава арбитража повышает качество коллективных решений.

Мы обобщили и визуализировали статистику назначений мужчин и женщин в составы арбитражей, которую LCIA включает в ежегодные публичные отчеты о своей работе. Отметим, что только сам Лондонский международный третейский суд уполномочен утверждать кандидатуры арбитров, в том числе и согласованных сторонами, что следует из п. 5.7 ст. 5 Правил LCIA в редакции 2014 года. Поэтому в данной статье под «назначенными сторонами» или «назначенными арбитрами» следует понимать кандидатов, назначенных по представлению сторон или других арбитров.

Сопоставляя эти данные, можно сказать, что:

1. Мужчины по-прежнему преобладают в составе арбитражей LCIA, численно образуя от 3/4 до 4/5 их составов.
2. При этом абсолютное количество женщин в составе арбитражей LCIA на протяжении пяти рассмотренных лет выросло вдвое (49 человек в 2014 году и 102 в 2018-м соответственно) и зафиксировалось на уровне около 100 человек (рис. 1).

Рис. 1. Общее соотношение мужчин и женщин в составе арбитражей LCIA (ЛМТС) в 2014–2018 годах

3. Что касается относительных значений, то этот рост можно связать в первую очередь с гендерной политикой самого секретариата LCIA: они наиболее активно, по сравнению со сторонами и другими арбитрами, назначают женщин-арбитров (от 20 до 43% назначений – см. рис. 2–4).

Рис. 2. Соотношение мужчин и женщин, назначенных администрацией LCIA (ЛМТС) в качестве арбитров в 2014–2018 годах

4. Стороны предпочитают назначать арбитров-мужчин (от 4 до 17% назначений). Число назначений здесь в среднем низкое, около 7,7% случаев (рис. 3).

Рис. 3. Соотношение мужчин и женщин, назначенных в арбитражи LCIA сторонами в 2014–2018 годах

5. Другие арбитры достаточно стабильны в своих предпочтениях женщин как арбитров, назначая их примерно в 15% (1/6) случаев. В то же время

с 2014 года видна тенденция к повышению назначаемости женщин коллегами: с 14,5 до 23% (рис. 4).

Рис. 4. Соотношение мужчин и женщин, назначенных в качестве арбитров другими арбитрами LCIA в 2014–2018 годах

6. В 2015 году наблюдалось резкое (более чем в 3 раза) уменьшение числа назначений женщин в арбитражи со стороны коллег-арбитров, а в 2017 году – столь же резкое (более чем в 2–3 раза) увеличение числа назначений женщин в арбитражи от сторон.

Чтобы объяснить этот минимум и максимум, мы обратили внимание на другие параметры статистики LCIA. Так, в национальном составе арбитров и в 2016, и в 2017 году стабильно доминировали граждане Великобритании – 321 из 496 и 254 из 420 соответственно. Опубликованных в открытом доступе данных за 2015 год найти не удалось.

Споры в 2016 и 2017 году также имели примерно одинаковую отраслевую принадлежность: в 2016 году лидировали споры вокруг энергетического сектора (22,5%), банков и финансов (20,5%), строительства и инфраструктуры (16,2%), транспортировки товаров (15,4%). В 2017-м споры вокруг энергетики и банковского сектора также составляли большую часть нагрузки LCIA – по 24% соответственно. Транспорт остался на третьем месте, разделив его с поставкой и вытеснив строительство. Опубликованная информация за 2015 год не содержит численных данных по процентному соотношению типов споров в портфеле LCIA.

За 2015, 2016 и 2017 годы доступны лишь сведения о государственной принадлежности спорящих сторон (рис. 5).

За референсные приняты страны – лидеры 2016 года как середины изучаемого периода. К 2017 году в LCIA имел место резкий рост обратившихся в арбитраж западноевропейских и североамериканских сторон одновременно с сокращением числа российских. Если принять во внимание такой национальный фактор, то можно предположить, что настроенные на diversity западноевропейские и американские стороны охотно избирают женщин-арбитров, что отразилось в соответствующей статистике 2017 года.

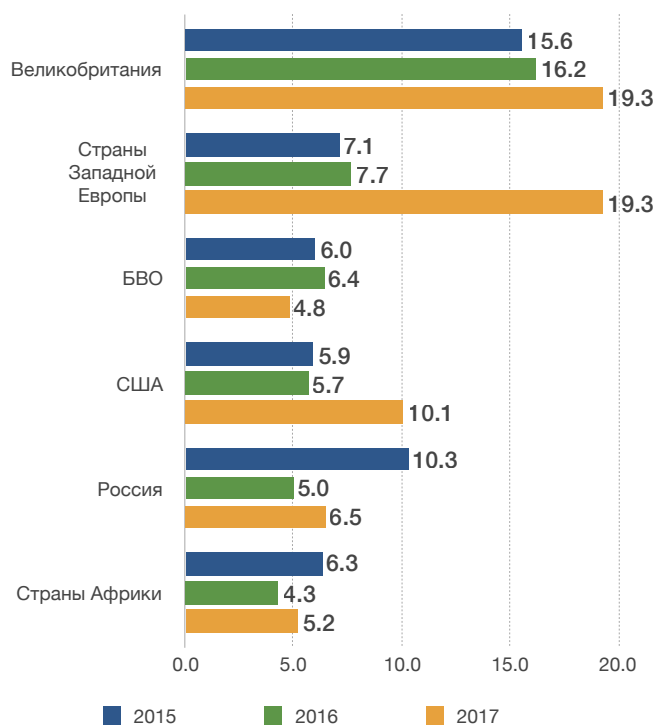

Рис. 5. Стороны по государственной принадлежности, количество дел в процентах от общего числа LCIA в 2015–2017 годах

Тем не менее национальный фактор трудно назвать решающим объяснением провала в назначениях женщин от коллег-арбитров в 2015 году: в 2016 и 2017 годах продвинутые, как можно предположить, в вопросах гендерного разнообразия британцы были преобладающей группой арбитров в LCIA (рис. 6), однако значительного изменения динамики назначений женщин-арбитров коллегами в эти годы не наблюдалось.

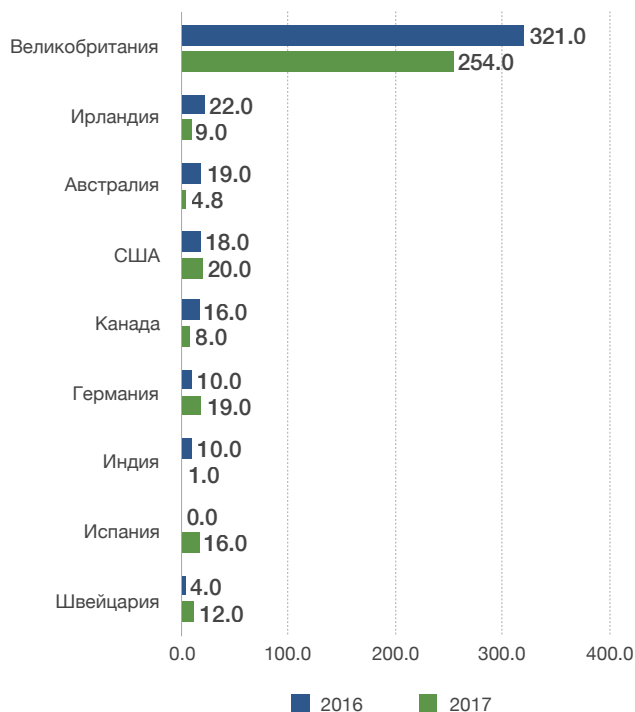

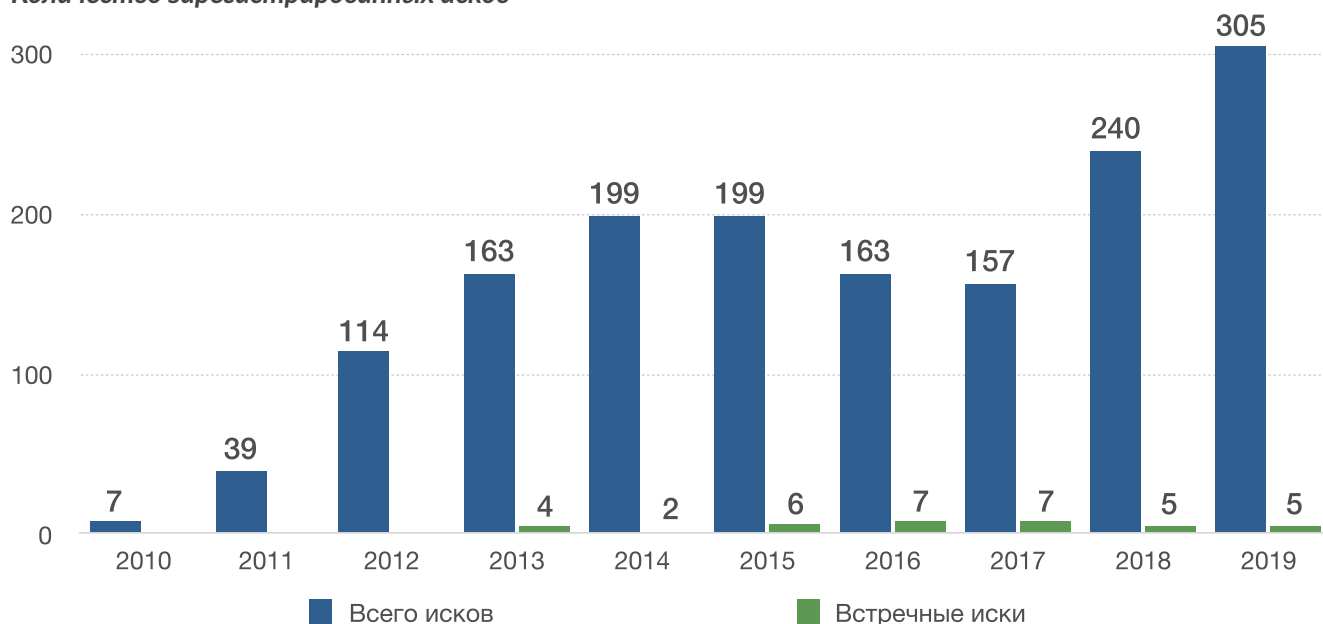
Рис. 6. Гражданство арбитров LCIA в 2016–2017 годах

Статистические данные, находящиеся в открытом доступе в LCIA, демонстрируют, что поставленная организацией задача по выравниванию количественного соотношения мужчин и женщин пока не выполнена. Несмотря на то, что в период с 2014 по 2018 г. число женщин-арбитров стабильно увеличивалось (за исключением 2015 г.), мужчины по-прежнему преобладают в этой сфере, и это касается арбитров, назначаемых и секретариатом LCIA, и сторонами, и другими арбитрами. Среди факторов, которые также отражены в статистическом отчете LCIA, – отраслевая принадлежность рассматриваемых споров и государственная принадлежность спорящих сторон; ни для одного из них не установлена прямая корреляция с назначением арбитров-женщин или арбитров-мужчин. Тем не менее, равномерный рост числа женщин в британском арбитраже свидетельствует о том, что курс, заданный организацией, постепенно выравнивается в сторону гендерного баланса.

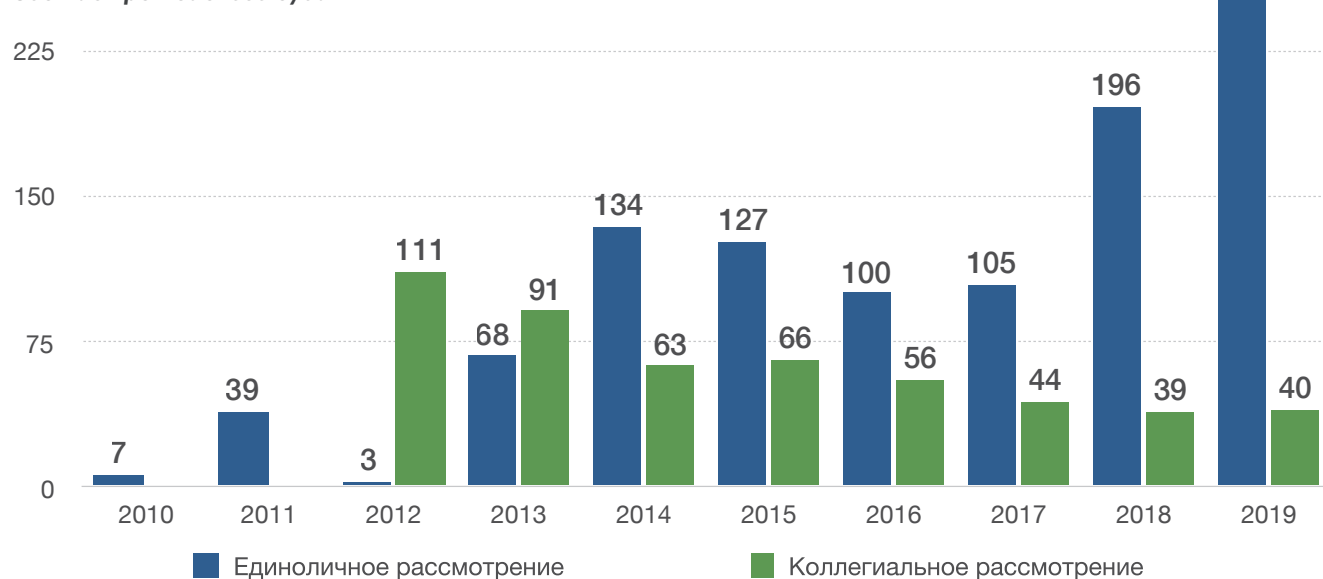
ИНФОРМАЦИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО ЦЕНТРА ПРИ РОССИЙСКОМ СОЮЗЕ ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (РСПП) ЗА 2010-2019 ГГ

Предоставлено АЦ при РСПП

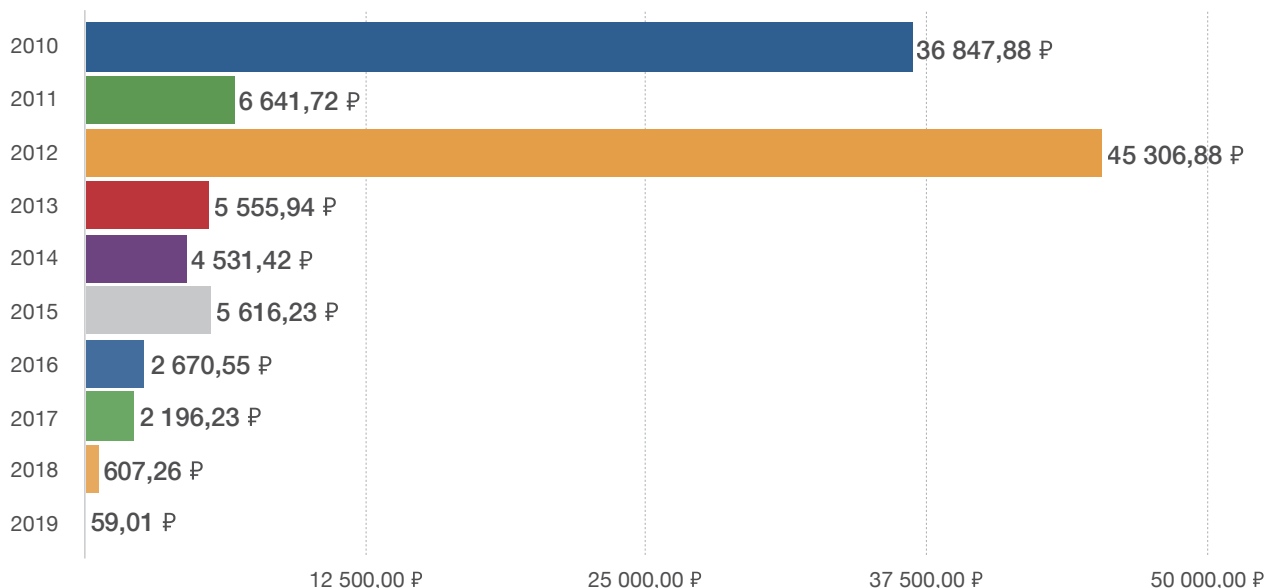
Количество зарегистрированных исков

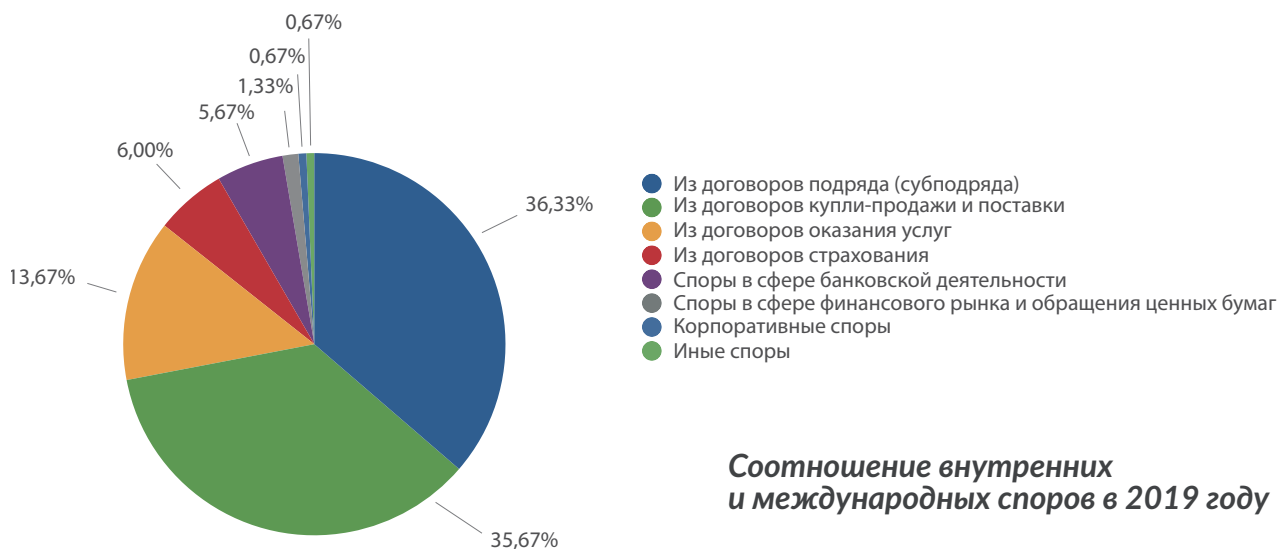
Состав Третейского суда

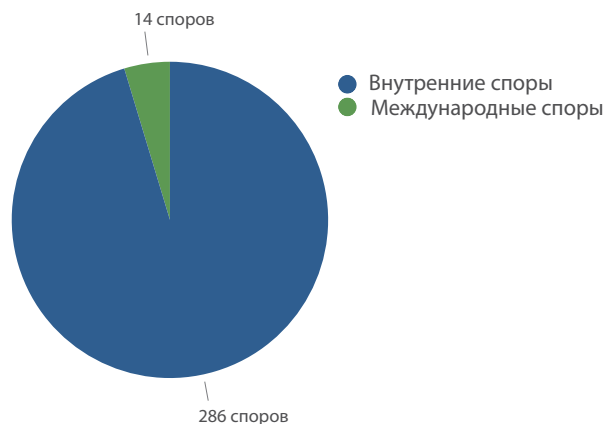
Общая цена исков, млн. руб.

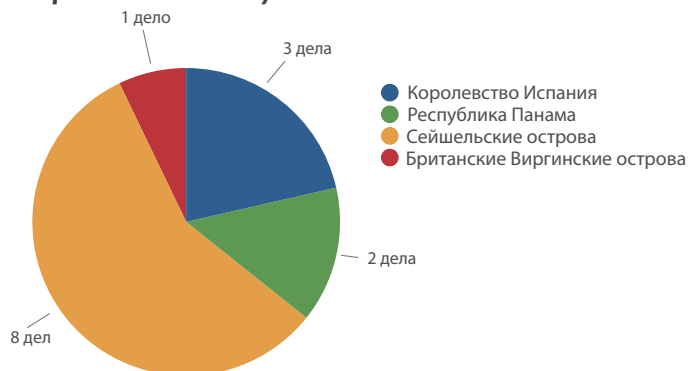
Категории споров в 2019 году

Соотношение внутренних и международных споров в 2019 году

Юрисдикции сторон международных споров в 2019 году

КАРАНТИН СУДОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ АРБИТРАЖА AD HOC В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

А. В. Костицын
Ad Hoc Arbitration

В связи со сложной эпидемиологической обстановкой совместным постановлением президиума Верховного суда России и президиума Совета судей РФ с 19 марта 2020 года в стране введен особый режим функционирования судов и разрешения ими споров. Скорее всего,

такой шаг негативно скажется на бизнесе.

Споры были, есть и будут. И контрагенты стремятся разрешить их здесь и сейчас, даже если объективно дело кажется несрочным, — пусть даже с отложенным исполнением после фильтра и судебного контроля по окончании пандемии и периода карантина (либо дистанционно при наличии технической возможности).

В текущей ситуации не только участники рынка, но и судебные органы, федеральные судьи столкнулись с необходимостью перехода на удаленный режим работы, что технически не всегда выполнимо, а порой просто невозможно.

Однако действующее российское законодательство позволяло и позволяет разрешать определенную категорию споров путем арбитража ad hoc, что подтверждается позицией Министерства юстиции и обширной судебной практикой, имеющейся в России на постреформенном этапе (2018–2019 годы). Арбитраж ad hoc может проводиться онлайн: и основные участники рынка, и арбитры (третейские судьи), и юристы способны работать в удаленном режиме, с учетом самоизоляции в домашних условиях.

Иными словами, имеющиеся наработки практикующих ad hoc арбитров позволяют рассматривать споры:

- дистанционно;
- онлайн;
- оперативно.

Поскольку длительное время считалось, что при таком варианте арбитража возможны злоупотребления (и они действительно имели место в дореформенный период со стороны третейских судов), вынесенные арбитрами ad hoc решения могут быть впоследствии проверены государственными судами на соответствие требованиям действующего законодательства.

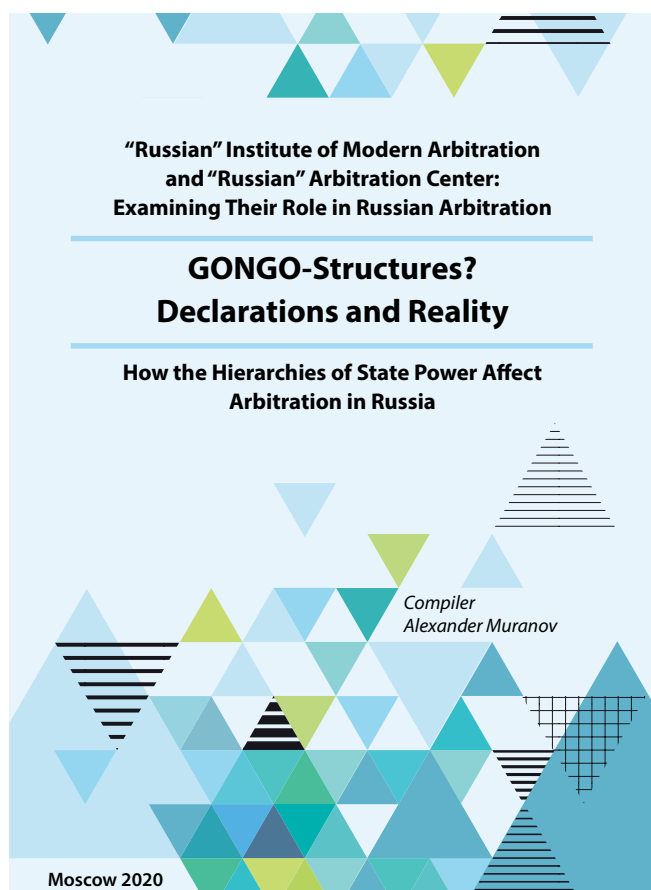
Сейчас, в условиях роста числа рассматриваемых дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, указанный способ разрешения споров — реальная рабочая альтернатива, позволяющая минимизировать потери, которые могут возникнуть на фоне мирового финансового кризиса и развития пандемии вируса COVID-19. Именно эту альтернативу мы предлагаем проанализировать органам власти, гражданскому обществу и судебному корпусу.

Для популяризации такого направления — разрешения споров третейскими судами, образованными специально для рассмотрения конкретного спора, — не требуется вносить изменения в действующее законодательство: указанный способ не противоречит смыслу принимаемых государством эпидемиологических мер и обладает целым рядом преимуществ, в том числе возможностью быстрого запуска.

Мы предлагаем читателям задуматься над этим обращением, поскольку, как показал дореформенный период, в сфере российского арбитража достаточно компетентных специалистов, решения которых проходили необходимый судебный контроль и приводились в исполнение, — эти арбитры могли бы сейчас оказать действенную помощь государственным судам.

Бизнес должен знать о возможности прибегнуть к процедуре арбитража для разрешения своих споров. Если органы судебной системы на своих официальных сайтах дополнительно проинформируют стороны об этом, всем нам удастся пройти нынешний непростой период с наименьшими потерями.

FROM THE HISTORY OF ARBITRATION “REFORM” IN RUSSIA

This work is a study of the status of the Russian Institute of Modern Arbitration and Russian Arbitration Center (these structures being among the few that obtained the right to administer arbitration from the Ministry of Justice). The study

also examines their activity in Russian arbitration, as well as their relations with third parties.

The methodology of this study was very simple: the information was initially collected from publicly available sources, and then analyzed and generalized based on the laws of logic, as well as the compiler’s many years of experience in Russian arbitration and his knowledge of domestic realities (including the peculiarities of how public authorities operate in Russia).

The study concludes that the statements of RIMA and RAC with regards to their missions and goals do not correspond to existing facts.

RAC is not what it claims to be, in front of foreign entities in particular. It maintains the policy of misleading external persons, the Russian society and the foreign arbitration community in the form of *suppressio veri*. RAC is a state-created and state-controlled entity, a GONGO (Government-Organized (Operated) Non-Governmental Organization). In Russia, the government is afraid of arbitration; as a result, it turned RAC into a tool for subjugation thereof.

“Russian” Institute of Modern Arbitration and “Russian” Arbitration Center: Examining Their Role in Russian Arbitration. GONGOStructures? Declarations and Reality. How the Hierarchies of State Power Affect Arbitration in Russia [Electronic edition] / Compiler : Alexander Muranov. — Moscow , 2020. — 71 p. — (From the history of arbitration “reform” in Russia).

Available for download [here](#).

2018-2019

The
Baker McKenzie
**International
Arbitration Yearbook**

We are pleased to announce that the latest edition of the Baker McKenzie International Arbitration Yearbook is now available. This year, in recognition of both our clients' preferences for soft copy material and our commitment to sustainability, the yearbook is being published electronically via our Global Arbitration News blog, rather than in hard copy.

This new edition reviews important developments in arbitration over the past year across 43 jurisdictions, including:

- The increasing use of artificial intelligence and technology in arbitration
- Increased risk for investors posed by nationalization
- The ongoing uncertainty around the future of intra-EU BITs following the European Court of Justice's decision in Achmea
- The continued push for procedural efficiency

You can access the latest edition of the International Arbitration Yearbook at <https://globalarbitrationnews.com/iayearbook2020/>

Deloitte.

**Baker
McKenzie.**

MANSONRS

Инфопартнеры

Arbitration.ru

CIS Arbitration Forum

Russia- and CIS-related International Dispute Resolution

LF LAW FIRM.RU